

**ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ
ТЕЛЕВИДЕНИЯ И РАДИОВЕЩАНИЯ**

**ОСНОВЫ ЖУРНАЛИСТСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Москва 2001

Основы журналистского образования. – Сборник научных статей. – Отв. ред. Буданцев Ю.П. – М., 2001 г. – 85 с.

Статьи, включенные в сборник, подготовлены как основа выступлений на научно-практической конференции «Журналистика – 2000», ежегодно проводимой факультетом журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова.

В книге публикуются статьи, связанные с вопросами идеологии, структурирования и правового обеспечения журналистского образования, а также посвященные философским и духовно-нравственным его основам.

Сборник научных статей, подготовленный профессорами и преподавателями ИПК работников телевидения и радиовещания, представит интерес и для слушателей системы повышения квалификации работников печатных и электронных СМИ, и для студентов-журналистов, а также для широкого круга читателей.

© Институт повышения
квалификации работников
телевидения и радиовещания

СОДЕРЖАНИЕ

В.В.Егоров	Неоконсерватизм и государственная кадровая политика в области СМИ	3
Ю.А.Огородников	Философские подходы к подготовке журналистов.....	21
В.М.Березин	О структурировании журналистского образования.....	34
Ю.Р.Рощин	Социально-правовые аспекты журналистского образования (постановка проблемы).....	47
Ю.П.Буданцев	Соборное начало профессии журналиста.....	60
Ю.М.Лощиц	Журналист как педагог.....	75

В.В.Егоров,
профессор ИПК работников
телевидения и радиовещания

НЕОКОНСЕРВАТИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СМИ

Если попытаться определить одним словом, одним понятием, одним термином фундамент государственной политики в области СМИ на современном этапе развития российского общества, то это – неоконсерватизм, вобравший в себя традиции прошлого и новации появившейся демократии. Если встать на такие позиции, то многое в современной политической жизни и в деятельности различных ветвей власти выстраивается в определенную систему, а решения и различные иные шаги государства в области СМИ приобретают свою логику и перспективу. Неоконсерватизм помогает преодолеть опасные тенденции, во-первых, противопоставления одного периода истории российских СМИ другому, во-вторых, попытки очернения того или иного исторического отрезка жизни и развития СМИ. До 1917 года российские СМИ развивались в одних условиях, когда в самодержавной стране существовало около 70% частных изданий и был накоплен определенный опыт взаимодействия государства и СМИ. В период советской власти удавалось накопить опыт создания единого информационного пространства, развить творческие начала в журналистике, создать мощную систему подготовки и переподготовки кадров для СМИ.

В современный период соединение некоторых традиций и новаторства и образует основы новой политики в области СМИ, реализуемой президентскими структурами, законодательной, исполнительной и судебной властью.

Мы далеки от мысли провозгласить неоконсерватизм национальной идеей российского общества на рубеже двух тысячелетий, но его проявления очевидны в политической жизни России: это и обсуждение и принятие современных символов государства – Герба, Флага и Гимна Российской Федерации, и многие другие знаковые законы и решения, принимаемые в центре и на местах.

Однако в рамках настоящей статьи мы включаем в понятие «неоконсерватизма» только следующие позиции:

- а) государственные интересы в области массовой информации,
- б) национальные традиции в деле подготовки и переподготовки кадров,
- в) профессионализм специалистов отрасли,
- г) единые стандарты образования, государственная классификация специальностей.

Все эти проблемы автор пытался соразмерить с недавно принятой «Доктриной информационной безопасности», что и определило структуру статьи:

- а) причины обострения кадровой проблемы на телевидении, в СМИ России;
- б) принципы государственной кадровой политики в области СМИ;
- в) механизм формирования и реализации государственной кадровой политики, система образования и воспитания специалистов СМИ;
- г) профессиональные традиции и новации в телерадиовещании.

ПРИЧИНЫ ОБОСТРЕНИЯ КАДРОВОЙ ПРОБЛЕМЫ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ, В СМИ РОССИИ

Обострение кадровой проблемы на телевидении России во многом связано со сменой поколений телевизионщиков. Многие телекомпании сознательно не берут в штат профессионалов, имеющих опыт работы на государственном телевидении. Там считают, что этот опыт сковывает инициативу, усиливает самоцензуру, заставляет работать с оглядкой на реакцию начальства и власть. Об этом, в частности, говорил В.А.Гусинский, руководитель холдинга «Мост-Медиа» в одной из бесед с журналистами. Поэтому руководители частных телекомпаний предпочитают брать на работу молодых, пусть неопытных, но таких сотрудников, профессиональные качества которых можно заново сформировать, исходя из требований конкретной телекомпании.

Характер подготовки и переподготовки кадров на современном телевидении в решающей степени зависит от социальной направленности вещания, от новых тем и подходов в программной политике телекомпаний.

На наш взгляд, сформировались новые тематические направления вещания, которых не было и не могло быть в партийно-государственном советском телевидении.

Кратко новые направления вещания можно свести к следующим:

1. Парламентская журналистика, способная разнообразно и полно показать развитие парламентаризма в России, предвыборную борьбу, выборы депутатов, их дальнейшую деятельность по выработке законов и выполнению наказов избирателей.

Здесь осваиваются и прямые трансляции заседаний Госдумы, и интервью с депутатами, и переклички их с избирателями, и работа комиссий законодателей, и работа с письмами от населения.

2. Темы религии и отношений церкви и государства. Религиозная тематика с трудом осваивается журналистикой электронных СМИ. При этом речь идет не столько об освещении деятельности церкви и священнослужителей, но и о тех истоках духовной культуры, которые вернулись к нынешним поколениям телезрителей в виде духовной музыки, древней литературы, живописи, произведений различных видов искусств.

В этой области важным ориентиром для всех создателей религиозных передач должен быть Закон о свободе совести, чувство ответственности за участие в трудной мировоззренческой и морально-этической сферах человеческих отношений.

3. Наконец, новым разделом вещания может стать тема экологии, чистоты отношений человека и природы, человека и общества, чистоты отношений между людьми.

Здесь накоплен все еще небольшой опыт, но главным методом телевизионщиков в сфере экологии должен стать метод журналистского расследования, умение начать тему и вести ее до конца, раскрывая и экономические, и социальные, и моральные аспекты экологических проблем.

Рождение новых разделов вещания повлекло за собой появление новых и затухание старых профессий на телевидении. Профессии диктора, редактора, главного редактора вытесняются из жизни телекомпаний. На их место приходят новые профессии – ведущие ток-шоу, модераторы, продюсеры, художники компьютерной графики, режиссеры-монтажеры-компьютерщики, менеджеры и т.п. О том, как много в этой работе с новыми кадрами нюансов и особенностей, можно судить, анализируя, например, профессию ведущего ток-шоу.

Острейшую потребность в получении специального образования подтверждает анализ контингента слушателей ИПК, приезжающих с

периферии. Сегодня на региональных студиях, в частных телекомпаниях, на кабельном телевидении, а тем более на телестудиях небольших городов работают специалисты, которые не имеют элементарной профессиональной подготовки в области творчества, инженерии. Частные высшие учебные заведения, которые уже начали подготовку специалистов для телевидения, с одной стороны, пока не удовлетворяют широких потребностей молодежи в получении телевизионных профессий, а с другой стороны - пока не пользуются достаточным авторитетом и доверием.

За 5 лет количество творческих работников ТВ увеличилось более чем в 5 раз. Число телерадиокомпаний в стране выросло со 100 до 2500 тысяч, если судить по выданным лицензиям. Сейчас по ориентировочным подсчетам на телестудиях работает около 100 тысяч творческих работников. *Если каждый год должно происходить обновление 5% кадров,* то вузы страны должны *ежегодно выпускать 5 тысяч* новых хорошо обученных творцов разных профессий.

Около *95% новых творческих работников,* которые встали перед камерами, за камерами, сели за пульта – в лучшем случае врачи, учителя, инженеры, биологи. Подчеркиваю – в лучшем случае. Эти «юные» (в кавычках) сотрудники полны энтузиазма и здоровых амбиций. Однако часто не имеют никаких профессиональных знаний, что делает их передачи убогими и однообразными, похожими друг на друга, а местные программы подражают центральным.

Отечественному телевидению 70 лет. Но до сих пор нет в нашей стране специализированного высшего учебного заведения телевидения подобно ВГИКу, Академии театральных искусств, Строгановке и Консерватории. А назрели необходимость открытия подобных учебных заведений не только в Москве, но и на Урале и в Западной и Восточной Сибири.

С нашей точки зрения в конкретной ситуации, сложившейся в нашей стране с подготовкой и повышением квалификации творческих кадров ТВ, необходимо иметь и развитую систему высшего специального образования и высококачественную систему повышения квалификации.

В последние годы в стране появилось немало разного рода школ, курсов, частных и муниципальных учебных заведений, каждое из которых исповедует собственное понимание качества обучения и образования. При отсутствии единых требований к творческим специалистам, при отсутствии какой-либо качественной учебной литературы и педагогических кадров, при отсутствии стандартов образования для новых профессий и старения действующих имеет место дискредитация телевизионного образования и размывание требований к профессионализму.

Принципы неоконсерватизма и должны определять, на наш взгляд, всю работу с кадрами средств массовой информации в сложившейся социально-исторической ситуации. Эти принципы реализуются в сочетании сложившихся историко-культурных, профессиональных и творческих традиций с новациями времени, главные из которых мы назвали ранее.

Развитие национальных и исторических традиций в образовании и воспитании специалистов необходимо для устойчивости самой системы, стабилизации в работе ее механизмов, для того, чтобы в творчестве и в овладении искусством телевидения идти дальше, опираясь на достижения предшественников. А это, в свою очередь, помогает избежать ошибок прошлого, развить и продолжить интересные творческие находки поколений профессионалов, ушедших, или уходящих из жизни.

Каждое поколение телевизионных работников вносило и вносит свой оригинальный вклад в культуру, в искусство, в программирование и в

обновление жанров и методов вещания. Весь этот опыт нельзя выбрасывать за борт истории. В нем – потенциал, исток творческой энергии новых поколений «телевизионщиков».

ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ СМИ

Взаимодействие государства и СМИ

В условиях обострения кадровой проблемы в области массовой информации и обеспечения информационной безопасности весьма актуальной становится задача формирования государственной кадровой политики, прежде всего ее неконсервативных принципов, лежащих в основе взаимодействия государства и средств массовой информации.

Ведущая часть указанных принципов вытекает из главных положений Конституции Российской Федерации, определяющих права, свободы и ответственность личности, общества и государства, в частности, в сфере производства сохранения и распространения информации. Эти принципы определяют такие пути взаимодействия государства и СМИ:

1). Создание правового поля для СМИ. Преодоление неразберихи, неразвитости и противоречий в законодательстве и в деятельности законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

2). Обеспечение единого информационного пространства в России как постоянно меняющегося, но единого комплекса центральных (федеральных), региональных и местных телекомпаний и телепрограмм, упорядочение рынка телепрограмм.

3). Разработка и создание механизмов формирования и реализации государственной информационной политики, методов повышения эффективности участия государства в формировании информационной политики государственных телерадиокомпаний.

4). Создание единой системы подготовки кадров в области телерадиовещания, информационной безопасности страны, кадровое обеспечение этой безопасности с помощью федеральных целевых программ.

5). Преодоление тенденций по вытеснению российских СМИ с внутреннего информационного рынка, по усилению зависимости духовной сферы от зарубежных информационных структур. Так, на федеральных телеканалах в последние годы присутствует 70% теле- и кинофильмов иностранного производства.

Все эти пути и направления деятельности государства и общества должны исходить из неоконсервативного, по сути своей, подхода к организации и содержанию информационных процессов в России.

Неоконсерватизм, в частности, в ИПК проявляется также и в наборе форм обучения – от традиционных лекций и коллективных обсуждений просмотренных телепередач до деловых игр, выездных занятий в регионы. Завоевали большой авторитет и Всероссийские семинары специалистов региональных телерадиокомпаний. Материалы таких семинаров опубликованы и доступны не только участникам, но и всем специалистам. Новой формой обмена опытом и обучения стали традиционные фестивали-семинары центральных и местных телерадиокомпаний. Их темы мы извлекаем из мира социально слабо защищенных областей духовной жизни. Так, в январе 2000 г. в шестой раз провели Всероссийский фестиваль-семинар «Православие на телевидении», в котором в общей дискуссии, при коллективном просмотре и обсуждении фильмов и передач участники фестиваля не только изучают опыт коллег, не только показывают свои достижения, но и вырабатывают общие критерии художественного качества телепродукции. В последнее время в них приняло участие более 60 ТРК, направившие на конкурс и обсуждение 100-120 телеработ.

Свое влияние на состояние работы с кадрами в отрасли ИПК стремится обеспечить также изданием и распространением научной и учебной литературы. Во всех региональных ТРК, на факультетах и отделениях журналистики российских вузов имеется специальная литература, изданная в ИПК.

В условиях такого многостороннего и сложного процесса вовлечения новых специалистов и обновления знаний работающих профессионалов особую, решающую роль в развитии системы образования и воспитания кадров телевизионщиков призваны сыграть государственные структуры работы с кадрами. Она имеет существенные признаки государственной системы подготовки и переподготовки кадров:

а) логику и последовательность распространения профессиональных знаний на основе достижений современной научной мысли;

б) обеспечение научной, учебно-методической базы обучения с собственной издательской деятельностью;

в) сохранение в учебном процессе устойчивых программ и планов, сочетания исторических традиций, опыта отечественного телевидения с современными методами вещания, что обеспечивается привлечением к преподаванию не только педагогов высшего уровня, но и «передовиков» современного телевизионного производства. Такая позиция может быть охарактеризована как неоконсервативная.

Своеобразие «телевизионной жизни» в том и состоит, что цветущие и авторитетные сегодня рубрики завтра уходят. Уходят в небытие, о них вспоминают лишь изредка. Но в них – творчество, опыт, который преступно забывать и не развивать. Этот опыт может стать опорой для новых поколений телевизионщиков, если его станут изучать, анализировать, использовать. Вот почему наука изучает взлет, расцвет и закат прошлых и нынешних программ и их создателей. В этом, пожалуй, и

суть неоконсерватизма: в следовании традициям – залог нашей жизнеспособности.

Четкое взаимодействие государства и СМИ, соответствующее государственной политике в области телевидения и радиовещания это:

1. ***Свобода информации, ее изготовления, сбора и распространения, а также доступа к ней.***
2. ***Независимость СМИ*** от власти, от олигархов, от монополий. Независимость СМИ проявляется в объективных тенденциях разгосударствления, демонополизации и демократизации системы СМИ в России.
3. ***Равная ответственность телерадиокомпаний*** и их специалистов перед обществом, перед населением, перед зрителем независимо от той формы собственности, на которой они основаны. Эта ответственность СМИ основана на единстве свободы и ответственности – главных принципов, регулирующих общественную жизнь; она предопределяет равные правовые, экономические и технические условия функционирования ТРК.
4. ***Обеспечение гарантий права зрителя***, слушателя на выбор телерадиопрограмм, на их оценку и разработку рекомендаций аудитории по поводу качества и количества телепроизведений той или иной телерадиокомпанияи.
5. Содействие различной ***конкуренции*** телерадиоканалов, телерадиопрограмм, телерадиокомпаний за их более весомый, реальный и значительный вклад в духовную сферу жизни общества, семьи, человека, обеспечение цивилизованных условий существования рынка телерадиоинформации в отрасли, в регионе, в городе, поселке, в деревне.
6. ***Укрепление и развитие духовно-нравственных начал*** в организации всей деятельности СМИ.

Что касается профессионального воспитания кадров телевидения, то все оно должно быть проникнуто высокой моралью. В последние годы процесс образования и воспитания все чаще выхолащивается до простой передачи знаний и навыков, а живительный и спасительный для нации процесс воспитания людей иссыхает.

Механизм формирования и реализации государственной кадровой политики, система образования и воспитания специалистов сми

Тоталитарное образование было одной из главных опор тоталитарной системы и копировало административно-командные методы управления. Точно так же эти методы пронизывали учебный процесс. Освобождение от них идет крайне медленно, потому что некоторые организаторы учебного процесса боятся этого освобождения, не зная, чем заменить устаревшие инструкции, указания, запреты, ограничения. Демократизм образования состоит в том, что здесь правят бал не чиновники, а творцы-педагоги, не управленческий аппарат, а творческие коллективы единомышленников при всей разности подходов, способов, методов и форм обучения.

Государство проявляет свою волю в регулировании отношений между СМИ и обществом, СМИ и личностью, СМИ и аудиторией. Оно и способствует тому, чтобы СМИ наиболее полно отражали запросы и интересы человека, обеспечивали бы свободу доступа его к информации, свободу самой информации и независимость СМИ.

Государство разрабатывает и реализует систему кадровой политики в области СМИ следующими путями, многие из которых проверены нашей историей, духовно-нравственным и культурным опытом:

1. Создание и совершенствование **законодательной, всей правовой базы** деятельности телерадиокомпаний и их деятелей, тележурналистов на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации.
2. Создание и укрепление **государственных СМИ**, способных действовать в интересах личности, общества, единой Федерации, показывать пример сбережения и развития духовных ценностей России, готовых вытеснять засилье зарубежных источников информации в отечественных телерадиопрограммах.
3. Формирование **системы** поэтапной, в определенной последовательности подготовки и повышения квалификации кадров отрасли.
4. Разработка и периодическое обновление **государственных стандартов** образования по действующим и вновь рождающимся специальностям в области телерадиовещания, а также создание государственных стандартов в системе повышения квалификации, которые ныне полностью отсутствуют.
5. Подготовка и проведение **сертификации** действующих кадров, а также технических средств вещания.
6. **Лицензирование деятельности телерадиокомпаний** при глубоком анализе программной, кадровой, технической политики ТРК и усилении контроля государственных органов за выполнением лицензионных обязательств.
7. Достижение **единого подхода государственных** и частных телерадиокомпаний к уровню квалификации и определенного уровня компетенции кадров, что должно найти отражение и в лицензировании ТРК и в иных правовых актах, регулирующих деятельность частных телекомпаний.
8. Создание **опорных пунктов** научно-исследовательской, преподавательской работы, составляющих систему профессионального роста кадров во главе с федеральным координационным центром, на

который государство возлагает изучение и обобщение передового отечественного и зарубежного опыта кадровой работы в сфере телерадиовещания, разработку рекомендаций по повышению эффективности системы профессионального роста специалистов телерадиовещания, их стимулов в овладении профессией.

За последнее десятилетие вместо сломанной машины государственного управления телерадиовещанием государству не удалось создать эффективную систему образования и воспитания кадров для телерадиовещания, подготовить заново необходимое количество квалифицированных кадров.

Дело это эпохальное, не требующее спешки. Тактика и стратегия серьезной политики государства должна определить ее главную цель – разработку Федеральной целевой программы России по кадровому обеспечению информационной безопасности страны, всей массовой информации. Такую Федеральную целевую программу мог бы инициировать Центр, о котором шла речь выше.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИИ. ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

Бизнес вытесняет журналистику, а извлечение прибыли из СМИ становится главным смыслом существования телекомпаний, их хозяев и их работников. Происходит также сращивание верхушки журналистской элиты с политическими деятелями в целях оказания взаимных услуг. Устанавливаются дружеские, неформальные связи между журналистами, политиками и олигархами, идет процесс переливания журналистских кадров из творческой сферы в иную, политическую область деятельности.

Продвижению профессионализма на телевидении противостоит и засилье рекламы, усиление влияния рекламодателей на программную

политику телекомпаний. Из сетки вещания в этой связи вытесняются культурно-просветительские программы, детские передачи, программы социального телевидения, тем самым сужаются масштабы и глубина творчества телеведущих. Нарастает опасность новой монополизации СМИ, умножаются случаи манипулирования общественным мнением, что особенно тревожно в период периодических выборных кампаний, которые трясут Россию в центре и на местах.

В современном телерадиовещании существует ряд объективных и субъективных причин, обусловивших резкое падение культуры речи и литературного творчества:

1) вытеснение журналистского творчества из телерадиовещания интересами бизнеса; стремление телерадиокомпаний выжить приводит к тому, что литературному творчеству создателей передач отводится второстепенное место;

2) в телерадиокомпаниях, основанные на частной, муниципальной формах собственности, да и в государственные ТРК пришли тысячи работников, новые поколения «телевизионщиков» и «радийщиков», которые по своему базовому образованию и опыту работы имеют весьма отдаленное представление о журналистике, литературе и о правилах речевого этикета;

3) благодаря возможностям новых информационных технологий развивается и расширяется само понятие аудиовизуального искусства: изображение и звук, возникающие с помощью электронной техники, по желанию авторов можно вольно конструировать.

Процесс эстетического освоения современных технологий требует подготовки творческих кадров на основе новых образовательных программ.

Развитие современного телевидения породило новые профессии, которые не подпадают под действующий классификатор специальностей. По государственному классификатору таких специальностей быть не может. А, следовательно, нельзя выдать государственный диплом с записью об отсутствующей в классификаторе профессии даже, если вы подготовили такого специалиста.

По этой же причине отсутствует перечень требований к знаниям и навыкам такого рода специалистов.

По причине недавнего появления новых профессий на телевидении и отсутствия официального названия их специальности *нет и государственных стандартов обучения* по новым профессиям. В силу этого обстоятельства те учебные заведения, которые начали подготовку кадров по новым специальностям, ведут ее без руля и без ветрил, что во что горазд.

Традиционные телевизионные профессии претерпели в последние годы такие изменения, что действующие стандарты на их образование препятствуют полноценной подготовке по этим профессиям, создавая разрыв между требованиями современного телевизионного производства и их знаниями и навыками.

Сегодня на телевидении сложились и оправдали себя в практике такие специальности как *продюсер, ведущий телепередачи, репортер, режиссер монтажа, режиссер мультимедиа, режиссер пульта прямого эфира.* Шесть специальностей, каждая из которых подразумевает дополнительную специализацию по конкретным профессиям.

Репортер телевидения это уже никак не журналист-газетчик. Текст на бумаге и живая речь в эфире совсем не одно и то же. Они строятся по разным принципам. Репортер - это совсем другая специальность нежели традиционный журналист. Современная техника и

технология позволяет оттачивать мастерство репортера. Поэтому как не трудно догадаться, стандарта образования на эту специальность нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Задачи кадрового обеспечения СМИ реализуются в нашей стране в условиях недостаточно разработанной правовой базы профессионального обучения. А между тем решающий фактор существования и развития системы образования, в частности, в области ТВ и РВ - это *создание правового поля*, определение возможностей и форм деятельности учреждений профессионального образования.

В некоторых странах Европы разрабатываются законы о профессиональном обучении. Так, в *Общеввропейском Радио- и Телевещательном Союзе* был создан проект такого Закона, который регулировал бы принципы профессионального обучения, определял, что такое термины «образование» и «профессиональное обучение». Термины «образование» и «обучение» рассматриваются как взаимодополняющие и не могут существовать в отрыве друг от друга.

Образование - это процесс, в который вовлечены широкие непрофессиональные сферы с большим кругом информационных проблем. Оно может рассматриваться как база для дальнейшей более узкой специализации в процессе обучения и имеет долгосрочные цели и задачи.

Термин «обучение» более конкретен. Это процесс приобретения и углубления профессиональных знаний и навыков. Цели и задачи обучения достигаются в более короткие сроки. При употреблении термина «обучение» имеется в виду сочетание образования и профессионального обучения.

Причинами, влияющими на формирование задач профессионального обучения, можно считать следующие:

- необходимость иметь такие профессиональные качества служащих, которые обусловлены их должностными функциями и обязанностями;
- структурные перемены внутри организации, влекущие за собой изменения в формах и методах работы;
- индивидуальные потребности и желания служащих.

В Законе о профессиональном обучении должны быть определены формы профессионального обучения, среди которых можно выделить три его вида:

- общее или начальное обучение (его обычно получают до или во время первых лет профессиональной деятельности);
- последующее или углубленное профессиональное обучение (оно обеспечивает сотрудникам возможность работы с современными техническими средствами, а также для продвижения вверх по служебной лестнице);
- дальнейшее повышение профессиональной квалификации, либо профессиональная переподготовка (что позволяет сотрудникам выполнять новые функции внутри организации, вызванные служебной необходимостью, и дает возможность приобретения новой квалификации и смежных специальностей).

Конечно, Закон должен определить цели и задачи системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Среди них главными можно считать следующие:

- обобщить знания и опыт по эффективному обучению персонала в наиболее короткие сроки;
- выработать соответствующие нормативы обучения и привить слушателям требуемые навыки;

- развить у слушателей навыки работы, обслуживания и установки нового технического оборудования;
- стимулировать слушателей к накоплению опыта профессиональной деятельности, к совершенствованию знаний и умений;
- усилить мотивацию обучения, раскрыть перспективы служебного продвижения для каждого слушателя;
- добиться, чтобы слушатели подобающим образом относились к своей работе, коллегам и задачам, стоящим перед организацией;
- ознакомить слушателей с их юридическими правами и обязанностями внутри организации, а также с правилами техники безопасности, необходимыми на конкретном рабочем месте.

Таким образом, Закон о профессиональном обучении нужен:

а) для определения общего подхода к проблеме распространения профессиональных знаний и для внедрения передового опыта лучших кадровых и учебных центров;

б) для активизации взаимодействия управленческих структур ТРК в вопросах разработки идеологии и принципов профессионального обучения.

Политическая, экономическая и социальная обстановка в стране таковы, что требуют новых подходов и нового понимания задач и ответственности электронных СМИ перед обществом.

Возможно, в результате наших предложений будет сформулирован важный принцип в числе иных положений о лицензии на вещание: необходима сертификация кадров в каждой телекомпании, анализ профессиональной подготовки тех, кто вещает на огромную аудиторию. Единые критерии при оценке качества творческого коллектива, одобренные государством в виде лицензионных требований, должны стать краеугольным камнем государственной политики в области электронных СМИ.

Ю.А.Огородников,
профессор ИПК работников
телевидения и радиовещания

ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ЖУРНАЛИСТОВ

Сегодня наибольшую тревогу мыслящих людей мира вызывает новое лицо, новое понимание профессионального образования, профессионализма и специализации и, как следствие, новое содержание понятий «профессионал», «специалист». Еще недавно человек гордился тем, что он хороший специалист, специалист вызывал уважение окружающих. Сегодня люди видят опасность для человечества, исходящую от узкого специалиста. Сегодня специалист в массе своей – это человек, обеспечивающий жизнестойкость опасных для жизни народов социально-экономических структур, но главным образом он опасен своим сознанием, своим отношением ко всему комплексу явлений социальной жизни, прямо скажем, сознанием массового человека, требующего от социума обеспечения себя хлебом и зрелищами, и, получая эти «хлеб и зрелища», такого рода специалист поддерживает тех, кто усыпляет подачками его ум, волю и чувства.

Проблема образования журналистов вписывается в общие проблемы подготовки специалиста, она носит в большей мере практический, а не теоретический характер.

Проблемы практического характера заключаются в следующем:

- духовно-нравственное состояние общества деформирует образовательный процесс, – важно знать, как противостоять ему в обучении журналистов;

- политика государства в области журналистики (средств массовой информации) отрицательно влияет на подготовку журналистов, – важно определить, как в этих условиях воспитать нравственного журналиста;

- педагоги с трудом поворачиваются к современным образовательным концепциям, – проблема в том, как их повернуть к ним;

- нет действенных методов нравственного и патриотического воспитания журналистов, они нуждаются в разработке;

- журналисты после окончания вуза отходят от жизненных принципов, которые могли им преподноситься в процессе обучения. Что сделать в рамках вуза, чтобы заложить устойчивые мировоззренческие принципы – одна из основных проблем современного профессионального образования.

Журналист, как правило, имеет о себе неоправданно высокое мнение и весьма поверхностно разбирается в явлениях, которые он пытается оценить и разъяснить своей аудитории. С последним связано неуклонное падение авторитета журналистов. Уровень нравственного и эстетического развития массового журнализма низок, забота о Родине, как правило, отсутствует.

Осмысливая образование журналистов, востребуемое обществом, я исхожу из таких предпосылок:

Первое. Из современного понимания образования, в том числе профессионального образования.

Второе. Из того факта, что журналисту приходится осмысливать и освещать разные социальные сферы и виды человеческой деятельности.

Третье. Профессия журналиста – это профессия творческая.

Четвертое. Университет, как особый вид высшего учебного заведения, помогает развить исследовательские способности, дать или усилить мировидческую компоненту и фундаментальные знания.

Пятое. СМИ значительно влияют на духовно-нравственное состояние общества, на отношение граждан к государству. Следовательно, воспитание журналиста сегодня чрезвычайно важно.

Обозначим философскую методологию, применяемую нами для исследования природы образования в целом и профессионального образования. В этих целях мы выделяем три иерархических уровня таких методов: онтологический (бытийный), конкретно- исторический и социально-ситуативный.

Онтологический, бытийный метод позволяет осмыслить явление, в данном случае природу образования, в масштабах и процессах мира-бытия, что может обеспечить наиболее глубокое проникновение в его сущность. Одним из важнейших законов бытия является следующий: *каждое явление бытия стремится к выявлению, реализации своей меры, своего качества, развертыванию всей полноты своей природы*, что в свою очередь является необходимым условием развития сущего, мира-космоса в целом, - его единства, гармонии, упорядоченности, соборности, всеединства. Исходя из этого закона, мы выявляем смысл существования человека. Человек как родовое существо еще находится в пути к развертыванию всех возможностей своей природы, он еще не осуществился полностью как человек, не развил в себе всего того, что в него заложено при творении. Каждый отдельный человек в процессе своей жизни обречен развивать в себе свою родовую сущность до пределов, возможных и необходимых в данное историческое время. Если этого не происходит, индивид испытывает психо-духовное напряжение и неудовлетворенность своей жизнью, и в таком напряжении может доходить до самоубийства, как это выяснено сегодня рядом крупнейших ученых мира в результате масштабных, кропотливых исследований (В. Франклом, например).

Второй философский подход дополняет первый, конкретизирует его. На основе этого подхода исследуется, на какую ступень развития восходит в данный исторический момент человечество, какие новые качества и возможности развивает он *сегодня*, вступая в новую историческую эпоху. Какие качества востребует идущее нам навстречу время. Какой вызов бросает нам и нашему образованию новая эпоха. О востребуемых сегодня качествах мы скажем дальше.

И, наконец, третий подход требует выяснения, а в каком состоянии находится сегодняшней конкретный социум, в данном случае, российский, в какой социальной ситуации оказывается образование и личность, которая бы пыталась осуществить свое природное предназначение: реализацию своей сущности.

Прежде чем переходить к проблеме обучения специалиста, отметим общую задачу образования, выясненную нами на основе бытийного подхода: *любое образование, согласно современным философским подходам, является развитием в индивиде родовой человеческой сущности до уровня, необходимого и предельно возможного в данную конкретно-историческую эпоху.* Основными составляющими родовой человеческой сущности, как это понимается в русской философской традиции, являются творение мира (частный момент творения – любое творчество, способствующее развитию людей) и любовь к миру, жизни, человеку. Человек – субъект творения мира-бытия.

В процессе становления человека как человека профессионализм, практицизм являются необходимым элементом в развитии целостности личности. Без него человек лишается возможности выполнить свою главную задачу - целесообразное, гармоничное преобразование себя и мира. Без него человек не в состоянии реализовать себя как человек, свои способности, возможности, стремления, интересы, ценности. Без профессионализма человек недостаточно культурен. Следовательно, речь

идет о заполнении бреши между прагматичностью профессионала и человечностью. Эту брешь заполняет образование, помогая становлению духовно-нравственного специалиста, создавая гармонию практичности и человечности.

Молодые специалисты, работающие в журналистике, особенно связанные с техническими средствами информации, например, телевидением, подчас увлекаются самой техникой передачи информации, полагая, что этого достаточно для них как профессионалов. В такой позиции содержится ряд ошибок. Первая, достаточно очевидная, - забвение того, что язык журналистики, в том числе ее технические приемы, есть лишь средство для выражения чего-то существенного. Вторая, менее очевидная ошибка, заключается в забвении того, что творческий человек, хотя и опирается на разработанные до него средства выразительности, сам творит язык для выражения своих содержаний. И творение языка не является самоцелью, более того, процесс творения языка чаще всего является не рациональным, а интуитивно-бессознательным. Творение нового языка происходит в процессе передачи журналистом своих психодуховных состояний, вызванных субъективным проживанием профессионала объективным предметом, данным ему для передачи реципиентам. Но объективный предмет выступает в своей объективности и значимости во внутреннем мире журналиста лишь при условии полного забвения себя, своих корыстных устремлений, с одной стороны, и развитого, пластичного внутреннего, психодуховного мира специалиста, с другой стороны.

Вот почему в профессиональном образовании особенно остро должна проявляться основная задача образования: образование (в данном случае я употребляю это слово в значении, проявляемом, например, в таком выражении: «образование гор»), образование-создание человека, как это соответствует его природе, цельного и гармоничного, то есть

развившего в себе всю сумму способностей, данных индивиду, вокруг важного смысла, идеала, ценностей, интересов и т.п.

Профессиональное образование, если исходить из вышесказанного, не может ограничиваться передачей специальных знаний, формированием соответствующих умений, профессиональное образование, наряду со своими узкими задачами, выполняет сверхзадачу, главную задачу образования - формирование человека в соответствии с его родовой сущностью, человека-творца, способного подходить к каждой технологической задаче, во-первых, целостно, во-вторых, с высоких нравственных позиций, в-третьих, творчески. Доказано, что творчество и нравственность неразрывно связаны, отсутствие нравственности (любви к миру и человеку) сковывает творческие способности человека (А.С. Пушкин: «Гений и злодейство несовместны»).

Если исходить из такого понимания принципа профессионализма, то требования к специалисту следует дифференцировать по следующим параметрам и позициям:

- требования к *личности* специалиста, которые, в свою очередь, складываются из его ценностей, жизненных смыслов, задач, интересов, или, иначе говоря, из его мироощущения и мировоззрения;

- развитость всех составляющих его психодуховного мира, внутреннего мира, его способностей, его индивидуального дара;

- профессиональные, прежде всего фундаментальные знания, и знания узкоспециальные, профессиональные умения и навыки. Последние даются на прочной основе развитой целостной личности и целостного знания о мире. Возникает проблема, а какие знания для журналиста являются фундаментальными. Здесь не место детально исследовать эту проблему. Ясно лишь, что в фундаментальные знания журналиста непременно должны входить знания, даваемые философией, филологией, социологией, историей, науки об основных тенденциях развития

современного мира. Но преподавание этих дисциплин «школярски, академично, начетнически» сводит на нет их образовательные возможности. В русской традиции их изучение происходит на основе единства ума и сердца, чувства и разума, творческого осмысления категорий, понятий явлений изучаемых наук.

Поскольку журналист вынужден освещать и оценивать самые разнообразные явления жизни, он обязан обладать методологией осмысления освещаемых явлений. Такую методологию формируют философские дисциплины, но при условии, если эта цель ставится преподавателем философских дисциплин. Методологическая культура выпускников разного рода вузов и даже университетов является сегодня крайне низкой. Следовательно, специалистов готовят не как людей самостоятельно решающих профессиональные задачи, а как людей, механически повторяющих данные им в вузе алгоритмы деятельности.

Университет от других вузов отличается такими особенностями: он дает прежде всего фундаментальные знания, обучение студентов происходит через совместную с преподавателем научно-исследовательскую работу. Университет дает универсальные знания – цельные знания об универсуме.

Аксиомой педагогики является положение о единстве обучения и воспитания. Патриотическое, нравственное, эстетическое воспитание – неотъемлемая часть образования журналиста. Сегодня это особенно актуально. Немало журналистов не только равнодушны к судьбам родины, но и работают против ее интересов. Ложь стала господствовать в журналистике, СМИ превращаются в свою противоположность – в средство дезинформации аудитории. Эстетический и художественный вкус журналистов, если судить по их произведениям, весьма низок, он вульгарен.

Основным способом воспитания является представленность и яркая выраженность патриотизма, нравственности, духовности, творчества, художественно-эстетического вкуса в самом педагоге, во всей атмосфере учебного заведения.

Как показывает практика образования, современные специальные учебные заведения основной упор делают на профессиональные знания, особенно узкоспециальные. Неосознанно специалист рассматривается как механизм, человеку, которому достаточно иметь профессиональные знания и умения, и он автоматически будет действовать соответственно требованиям деятельности.

Но если обратиться к практике, то оказывается, что специалист, обладающий узкими и иллюзорными представлениями о мире, ограниченными интересами и не сформированный как цельная, развитая, образованная, духовная личность, оказывается плохим специалистом. Прежде всего у него нет глубинных стимулов деятельности. Ограниченные стимулы вызывают ограниченность деятельности, выражающейся в том, что работник действует вяло, нетворчески, выполняет работу ровно настолько, насколько от него требуют, а если можно обойти эти требования, он легко их обходит.

Вторая заключается в том, что узкое знание знанием как таковым не является, а представляет собой лишь иллюзию знания, поскольку явление в узком знании берется в его ограниченных связях, т.е. искаженно. Знание есть знание всех связей изучаемого явления. Знание специальных частных без осмысливания их в целостности мира есть худший вид невежества, поскольку данное невежество создает иллюзию образованности.

Полноту связей обеспечивают прежде всего "гуманитарные" науки (неточное название: философия, например, наука о мире в целом, а не только человеке) и, в определенной мере, естественные науки.

Узкий специалист, как уже говорилось выше, выполняя частную задачу, деформирует целое, даже если он исходит из благородных побуждений. Именно узкие специалисты невольно привели к разрушению природы. И дело здесь не только в том, что загрязняются реки и воздух, дело глубже: нарушается кровная взаимосвязь природы и человека, вся полнота их взаимодействия, т.е. духовность, человек тем самым уходит от своей родовой сущности и деформирует сам себя. Он сужает себя до homo faber («человек умелый»), до функционера, до механизма. В результате такой специалист испытывает неудовлетворенность жизнью. Узкий специалист по существу несчастен. Подготовка такого специалиста - бесчеловечна.

Таким образом, следствием узких знаний становится уничтожение среды обитания и самого человека, переживание специалистом своей ущемленности, неполноценности, что приводит к трагическим последствиям и для индивида, и для целых народов, когда такой ущемленный индивид влияет на судьбу своего народа. Чернобыльский взрыв громко возвестил миру, к чему может привести человечество узкий специалист, даже высокого класса.

Итак, мера развитости и полноты развитости личности специалиста - это первое требование к профессиональному образованию. Специалист ровно настолько специалист, насколько он развит как человек современного культурно-исторического уровня и сформирован как личность, органично входящая в общество.

Мы можем сформулировать следующую аксиому педагогики, вытекающую из нашего принципа целостности обучения:

подготовка специалиста - это прежде всего формирование человека, соответствующего современному предельному уровню его психодуховного развития.

Из этой аксиомы вытекает ряд следствий. Индивид, выступающий как развитая личность, гораздо успешнее усвоит знания и методы, умения и навыки, необходимые для его деятельности, чем неразвитый индивид, который ограничен в усвоении в необходимой мере знаний, методов, умений и навыков, как бы ни давили на него в процессе обучения. Он будет деформировать производственные процессы, производительность его труда будет невысокой, а качество труда - низким.

Профессионализм - емкое понятие, в его объем входит как необходимая часть сформированная соответственно времени личность, психодуховный мир работника и устойчивое мировоззрение. Развитие психодуховного мира человека является стержнем специального образования.

Из этого положения непреложно вытекает необходимость особого внимания к учебным дисциплинам, развивающим работника. Такое внимание включает в себя расширение количества этих дисциплин и постоянного внимания администраторов учебных заведений к качеству их преподавания: содержанию и методам. Под качеством я понимаю преодоление академизма, школярства в преподавании, это прежде всего, затем направленность преподавания на развитие личности студента, и, наконец, глубинные, сущностные, по существу философские подходы к любой специальной учебной теме.

К дисциплинам, развивающим личность, относятся искусство, философия и история. Говоря об искусстве, я имею в виду не социологическое понимание искусства «по Добролюбову», а погружение студента в мир искусства, художественности, мир красоты, гармонии и духовности. Творчество журналиста включает в себя открытие нового видения всеми видимого, каких-то новых сторон мира, и открытие нового языка выражения этого нового видения. Механическое использование известной журналистской техники не развивает творческого дара будущего журналиста.

Если исходить из вышесказанного, то следует заявить, что мышление организаторов специального образования должно «перевернуться», они должны понять, что подготовка человека, личности является главным в специальном обучении, что, конечно, не должно повести к снижению требований к необходимым профессиональным знаниям, умениям и навыкам, но перенос акцента со специальных дисциплин на гуманитарные потребует иной организации процесса обучения и его методов.

Следует учесть также, что наступило время не только быстрой смены технологий, когда ее нельзя выучить "на всю жизнь", но и подвижным оказался сам профессионал: он бывает вынужден несколько раз в жизни менять профессию. Научные прогнозы показывают, что такая необходимость возрастает со временем в геометрической прогрессии. В 1967 году не было половины специальностей, возникших к 1987 году, а в 2007 году практически все специальности, за редким исключением, будут новыми относительно к настоящему времени.

Обучение специалиста необходимо вытекает из логики, гласящей, что специалист - настолько специалист, насколько он развит как человек и сформирован как личность. Развитие специалиста как человека делает его ответственным прежде всего перед собой, перед своей совестью и своим даром, перед обществом, людьми, коллективом за свою деятельность. Специалист должен быть прежде всего человеком чести, благородным человеком, и, конечно, умным, общительным, культурным .

В вуз человек приходит достаточно сложившимся, особенно в ИПК, но у человека живого всегда есть пространство для развития и даже изменения своих социальных ориентаций, а тем более творческих. Как подвигнуть студента или специалиста на саморазвитие? Для этого требуется особое качество личности педагога высшей школы: и мастерство существования в педагогическом пространстве, и собственная

наполненность значительными смыслами, которая, будучи ярко выраженной, увлекает собой слушателя, я бы сказал, предельная открытость педагога, при условии, конечно, если ему есть что открывать существенное.

Компетентность и педагога, и специалиста есть сегодня универсальность, фундаментальность знаний и предельная нравственность. Безнравственность сразу ограничивает возможности специалиста: и на стадии подготовки, и на стадии реализации себя как специалиста, и прежде всего в творчестве. Безнравственный человек принципиально не может быть полноценным специалистом. Журналистика это показала сегодня особенно ярко: информация у безнравственного специалиста превращается в свою противоположность – в дезинформацию. Я бы снова ввел понятия чести специалиста, журналиста, инженера, педагога, этику специалиста, как была медицинская этика, например, на практике сейчас не существующая. Сегодня даже думать об этом забыли. Между тем совсем нелишне было бы ввести клятву для любого специалиста " Не навреди!" перед вручением диплома.

Специальное образование как бы завершает всю систему образования и формирования человека как творца, давая ему в руки инструменты творения мира: развитую индивидуальность, общее и профессиональное мышление, творческую интуицию, фундаментальные и специальные знания, умения, стремление совершенствовать себя и развивать мир. Без специального образования становление человека оказывается неполным, незавершенным по объему.

В XX веке единство профессионального и нравственного расщепилось, как следствие расщепления личности человека Нового времени в XX веке (вспомним утверждение Ж. Делеза о современном мире как мире, массово порождающем шизофреников). В образовании это

проявилось, в частности, в том, что в последние десятилетия разрабатываются оценки знаний, интеллекта (например, тестирование), но не нравственного уровня учащегося.

Такое расщепление приводит к тому, что мы в образовании создаем не «человека», а воспитываем «монстров». Многие из тех, кто завели Россию в тупик, имеют не только высшее образование, но и ученые степени.

Сегодня говорят о том, что мир находится в опасном состоянии. Первый президент Римского клуба А.Печчеи писал даже о «стремительном беге человечества навстречу гибели». Но нужно уяснить себе, что главная опасность миру идет ни от чего иного, как от самого человека – бездуховного, безнравственного, жестокого интеллектуала, узкого функционера, от того типа человека, который сформировался в Новое время, то есть буржуазного человека. Кризис современного мира есть кризис рождения новой эпохи, нового типа человека, более соответствующего своей родовой человеческой сущности. Новая эпоха предполагается как эпоха образования и культуры, то есть эпоха, концентрирующая свои усилия на развитии целостного человека. Пока что ведущие политики и финансовые олигархи, пораженные умственной ограниченностью, не понимают этого. Но история неумолима: она, выполняя задачи развития человечества, сметает со своего пути всё, что мешает ее поступательному движению.

Из этого мы, педагоги, также обязаны исходить в своей деятельности, какую бы узкую учебную дисциплину мы ни преподавали: мы должны готовить специалиста к существованию и деятельности в среде, которая формируется сегодня как преодоление современных глобальных противоречий.

В.М.Березин,
доцент ИПК работников
телевидения и радиовещания

О СТРУКТУРИРОВАНИИ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Основной трудностью журналистского образования последнего десятилетия XX века была та, что на смену выстраивавшейся десятилетиями системе теоретических и практических знаний и установок данное десятилетие не смогло дать сколь либо цельной и обобщающей концепции нового видения российского журнализма. Присоединение модной лексемы «пост» к старым понятиям, как это делают обычно западные социологи (постиндустриализм, постмодернизм), в случае с понятием «советский», «советское» (постсоветское общество, постсоветская журналистика») не принесло качественно нового содержания и ничего, кроме временных границ не устанавливало. До сих пор отсутствуют качественные характеристики журналистской науки и практики новой России.

Лишь немногие исследователи, критиковавшие в прошлом буржуазную журналистику и показывавшие преимущества журналистики советской, сумели в эти послепутчевские годы не потерять нити, связующие различные периоды российской журналистики (дооктябрьского, советского и послепутчевского). Большая часть теоретиков (и особенно практиков) новорусского толка сделали 1991-й год Рубиконом, перейдя который пишущие и размышляющие над написанным, снимающие и анализирующие телепередачи старались подчеркнуть принципиальную новизну российской действительности и ее зеркала – печатных и электронных СМИ.

Странно, но при этом никто и нигде не употребил понятия «буржуазная российская журналистика» или «буржуазно-демократическая российская журналистика». А ведь нынешняя наша журналистика вполне может так называться ввиду пропагандируемых ею ценностей. Несмотря на преодоленный Рубикон, сохраняется определенная половинчатость взглядов: у нас теперь ценности западные, общечеловеческие, американские, но это как бы не буржуазные ценности, а принадлежащие интеллектуальной элите, индустриальному обществу, среднему классу и т.д. Эвфемизмы, слова-прикрытия, слова-маски рождаются ежечасно (ежетелечасно). Однако суть остается прежняя: есть богатые и бедные, толстые и тонкие, с пакетами акций и полностью обездоленные.

А что же журналистика и ее теория? Здесь до сих пор царит эйфория от достигнутой свободы, в ауре которой теряются те здравые мысли некоторых сегодняшних исследователей, а также мыслителей прошлого, которые могли бы составить новую методологию изучения и преподавания журналистики. Которые могли бы помочь в становлении новой научной системы, а может быть, и парадигмы.

Если в 1991 г. на территории бывшего СССР начали обозначаться все новые и новые межгосударственные границы, то на территории общественной части науки, наоборот, четкие дисциплинарные границы стали исчезать вовсе. Исчезло сдерживающее, структурирующее начало, диктовавшееся ранее официальной идеологией. Но древо знаний должно иметь и корни, и ствол, и ветви. Поисковые, исследовательские работы в области теории журналистики могут характеризоваться, как и в других общественно-научных направлениях, полезной для авангардного поиска бесструктурностью. Принцип здесь известен: «Беру свое там, где нахожу». Но при этом непременно должна сохраняться структура так называемого «дисциплинарного архива». Должны быть четкие дисциплинарные рамки, устоявшийся круг источников, проверенный временем творческий опыт,

благотворно повлиявшие на человека те или иные ценности. Это касается не только журналистики, речь может идти и о других науках об обществе и человеке.

Для будущего журналиста, пожалуй, трудно вычлнить науку, которая явится для него непрофильной. Все знания – политические, культурологические, в области философии, психологии, социологии, лингвистики, семиотики и т.д. – могут сгодиться в журналистском деле. Но структурировать в учебном процессе и преподавании важнейшие их блоки и узлы, через которые студент может выйти на уровень понимания острых проблем современности, связать их с выстраданным опытом человечества – основная задача преподавателя теории и практики печати, телевидения, радиовещания.

Автор статьи столкнулся, например, недавно с одиозным мнением студентов, специализирующихся в области рекламы и связей с общественностью (можно сказать – целиком буржуазным продуктом, существовавшим в буржуазной России и в западном мире). Дескать, ни реклама, ни PR не имеют никакого отношения к журналистике, так как у них задачи не воспитательные, просветительские, а информационно-коммерческие. Это говорит о том, что молодые люди не знакомы с постановкой дела в области рекламы и связей с общественностью (тогда это не было еще «пиаром») в прежней России и в России советской 20-х годов. Не знакомы с умной и не унижающей достоинство человека печатной рекламой, с благотворительными и гуманными акциями в отношении малоимущих, обездоленных, так называемых «социальных низов». Все это широко освещалось в прессе, а с началом радиовещания и на радио.

Если в советские годы многие периоды и эпизоды истории России искусственно вырывались из общего цивилизационного контекста, то в «постсоветское» десятилетие аналогичным образом из этого контекста

вырываются чуть ли не все 74 года существования Советской власти. Может статься, что в поговорке «Иван, не помнящий родства» будет заменено из-за потери памяти и само имя – на имя очередного кумира поп-музыки, политического шоумена или воротилы бизнеса. Может статься, что это будет имя и очередного журналиста-киллера или писателя-некрофила.

Как пример вышеназванных «блоков и узлов», посредством которых следует прорываться к материковой породе души человеческой, приведу мнение В.С.Соловьева из статьи «Несколько слов по поводу жестокости». Почему я это делаю? В современной журналистике укрепилось понятие «мягкие и жесткие новости». «Классические» примеры тех и других новостей – это ведение «600 секунд» и «Вестей» А.Невзровым и С.Сорокиной в недавнем прошлом. У первого было «что, где, когда и как» со стрельбой и погонями, у второй – если новости криминальные, то обязательно с мягкой улыбкой и непременными успокаивающими сентенциями.

«Несколько слов...» В.С.Соловьева – критический ответ на статьи Н.Михайловского о Достоевском под названием «Жестокий талант». В них вся литературная деятельность писателя сводится к ненужному мучительству и беспредметной игре «мускулов творчества». По Михайловскому, играя этими «мускулами», Достоевский с наслаждением и излишеством терзал своих героев, чтобы через них терзать и своих читателей.

Вот что пишет В.С.Соловьев: «Те, для кого писал Достоевский, знают, что у него было нечто большее, чем «жестокий талант».

Н.Михайловский приводит пример из творчества Эжена Сю – о кровожадном человеке, которого хотел перевоспитать доброжелательный и умный руководитель. Однако ничего не получилось, пока этого человека не устроили на бойню мясником. Таким образом, были совмещены дурные

наклонности и общепольное дело. Вот и с Достоевским, якобы, надо так поступить. В.С.Соловьев защищает писателя, показывая, что у него есть нравственный и общественный идеал, не допускающий сделок со злыми силами. (В.С.Соловьев. Философия искусства и литературы. Критика», М., 1991, с.365-368).

Можно ли применять понятие «жестокий талант» к ведущим типа А.Невзорова или С.Доренко? Этот и подобные примеры должны храниться в «дисциплинарном архиве» литературы и журналистики, откуда их черпает преподаватель и студент. Подобные примеры структурируют, связывают разрозненные знания в мировоззренческую систему.

Другой пример – из области, как ее называл П.А.Флоренский, ономатологии, то есть науки об именах. Как часто журналисты с превеликой легкостью жонглируют словами, определениями, понятиями, не задумываясь, как далеко может пойти воздействие того или иного слова. Вот что пишет П.А.Флоренский, возражая рационалистам. Те полагали, что обозначение покоится на историческом произволе и поэтому оно независимо от сущности обозначаемого. «Но ведь это они раздробили всякую форму на кирпичики; это они расстригли Слово Божие на строчки и слова, язык растолкли в звуки, организм измельчили до молекул, душу разложили в пучок ассоциаций и потом психических состояний... Было бы даже удивительно услышать от этого нигилизма, отвергшего в корне самое понятия *типа* что-либо, кроме отрицания и в отношении типов столь высокого порядка, каковому причастны *имена*. (П.А.Флоренский. Имена. // Социологические исследования, 1990, № 3, с.139).

От этих размышлений общего методологического порядка перейдем к проблеме структурирования тележурналистики. Изучение этой дисциплины непременно должно начинаться с истории телевидения, пусть и совсем недавней, происходившей у многих на глазах. Оно должно начинаться с познания основных вех развития ТВ, с постижения знаковых,

смыслообразующих для будущего журналиста явлений и фактов в области телекоммуникации.

Об истории телевидения пишут и говорят зачастую бессистемно, вне какой-либо обобщающей типологии его периодов, основных тенденций развития. Пожалуй, единственным большим событием в последние годы здесь явилась конференция «К вопросу о периодизации истории отечественного телевидения», прошедшая 5 июня 1998 г. в ИПК работников телевидения и радиовещания. На ней была предпринята попытка выработки определенной типологии. Впоследствии были изданы «Очерки истории отечественного телевидения», во многом беллетризованные, но в целом восстанавливающие брешь в историко-культурном осмыслении пути советского, а затем российского телевидения.

Всякая периодизация чрезвычайно сложна и, во многом, относительна в силу разнородности посылок и принципов, выбираемых в качестве отправных, исходных. Что взять за основу определенного исторического отрезка? Каким образом обозначить ту или иную ступень исторического развития? Какие события и процессы являют нам грани перехода от одного временного периода к другому? Этими вопросами сразу же задается исследователь, приступая к своему «летописанию».

Сами понятия «хронология», «хроника», «летопись» ведут свое происхождение от древних текстов, описывающих события определенного временного отрезка, чаще всего – года. Для глубокого анализа хода истории требуется уже большая продолжительность развития (прогресса или регресса) материального и духовного мира.

Такая, чтобы ее можно было расчленивать, разъять на отдельные фрагменты, (сегменты, элементы), выявить среди них социально и исторически значимые, которые и можно затем положить в основу дальнейшей микро- и макропериодизации. Но встает следующий вопрос: в

чем заключается социальная и историческая значимость того или иного момента истории? И, наконец, - что является критерием прогресса? Эти вопросы должны неизбежно встать и при изучении истории такого уникального социального (технического, политического, нравственного, эстетического, культурного) феномена как телевидение.

Рассматривая телевидение как выдающееся средство массовой коммуникации (общения людей друг с другом), автор тем самым считает его и феноменом культуры – в том смысле, в котором понимали культуру К.Ясперс и М.Мамардашвили, и поэтому не выделяет телевидение в особый феномен – феномен сугубо технической коммуникации. Поэтому хотя технический критерий и является одним из главных при рассмотрении путей развития истории и культуры, нами предпринята попытка определить периоды истории отечественного телевидения и исходя из других критериев.

На начальных этапах своего становления телевидение, как немногим ранее радио и кинематограф, характеризовалось прежде всего, со стороны своей технической необычности, технического аттракциона. Но, в отличие от кино и радио, стала выделяться его способность передавать на расстояние одновременно с происходящим событием зримое, а затем и озвученное сообщение (озвученную картинку).

Однако, в силу неразвитости технической базы, отсутствия социальных причин для востребования заложенных в его диапазоне возможностей, телевидение долго оставалось у нас в стране (в отличие от Запада) «вещью в себе», именно техническим аттракционом, не более того, и поэтому, на наш взгляд, за критерий обозначения начального периода истории ТВ (период технических наработок и пробных передач – вплоть до 50-х годов) надо взять технический критерий. Ведь нельзя же говорить о каком-то культурном и шире – о нравственно-эстетическом воздействии

телевидения на человека в эти годы... Таким, к примеру, какое оказала книга сразу же после изобретения книгопечатания.

Разумеется, технический критерий в силу поступательности и динамичности самого технического прогресса, должен присутствовать в работе историка ТВ и в изучении других ступеней его истории. Но там дают о себе знать все новые и новые ипостаси явления «телевидение» - как положительного свойства, так и отрицательного. И хотя техника инициирует, провоцирует и обеспечивает осуществление все новых и новых проектов, во главу угла, думается, надо ставить теперь те культурные, социально-политические, нравственные и эстетические потребности, которые, во многом, и обусловили технические шаги.

Ведь как отмечал М.Хайдеггер в статье «Вопрос о технике», техника – не просто средство для достижения определенной цели. И цель, и технические средства (шире – инструментальность) обуславливают друг друга в сфере причинности. Техника, таким образом, - вид раскрытия «потаенности», «область осуществления истины». Лишь в этом смысле коммуникация (тем более техническая) становится культурой. А сами знания, полученные человеком посредством технических каналов массовой коммуникации с помощью самых новейших систем кодирования и трансляции, становятся культурой тогда, когда они освоены *человеком*, когда в них есть *человеческая* мера.

В данном контексте можно вспомнить и слова О.Шпенглера из статьи «Человек и техника»: «... значение техники установимо только исходя из *души*», «речь идет не о создании инструментов- вещей, а о *способе обращения с ними*».

И если в первый выделенный нами период истории ТВ (мы бы назвали его «**техническим**») история телевидения складывается из таких основных эпизодов, как открытие фотоэффекта, изобретение кинескопа, совмещение изображения и звука, первые пробные телепередачи,

строительство радио- и теле- технических центров, трансляция достаточно регулярных передач, то второй период (50 – 60 годы) надо определять, отталкиваясь уже от социально-политических и духовных факторов, побуждающих и научно-техническую мысль к новым открытиям и разработкам, государство в целом – к выбору «телевизионных» приоритетов в информационной и культурной политике и финансовом их обеспечении. В ряду «центровых», «опорных» событий летописи ТВ здесь уже стоят и XX-XXII съезды, и Всемирный фестиваль молодежи и студентов, и полет Юрия Гагарина, и строительство светлого коммунистического будущего... Значение техники здесь устанавливается исходя *от души, от духовного*, так как техника раскрывает духовный смысл того времени.

Предвидя возможные возражения и вопросы, автор, тем не менее, назвал бы этот период **«романтическим»** - в силу его четкой патриотической и жизнеутверждающей знаковости, для выражения и широкого тиражирования которой возникало, пусть и с опозданием на 10-15 лет по сравнению с общим цивилизационным процессом, новое телевидение. Романтический этап истории ТВ был характерен и знаменателен, в первую очередь, тем, что страна (в то время – «могучий Советский Союз») пыталась после длительной политической и культурной изоляции включиться в мировую цивилизацию. Но это было сложно сделать с наших наивно-романтических позиций, тем более, что искренний порыв к осуществлению коммунистических (общественных, а не индивидуальных идеалов) многими на Западе расценивался как посягательство на установленный буржуазный порядок, на самое жизнь западного человека. Но, тем не менее, в эти годы по системе «Интервидение» и «Евровидение» был организован ряд репортажей и передач, открывших, по сути, западному зрителю нашу страну, вроде

получившую ряд демократических свобод и послаблений и хотя бы в этом смысле начавшую приобщаться к мировой цивилизации.

Социализм в этот период продолжал в противоположность демократии иметь материально-содержательный характер, он знал, чего хотел, имел предмет устремления. То есть продолжал обладать теми качествами, о которых писал еще в тридцатых годах Н.Бердяев. Социализм не был безразличен к тому, на что была направлена народная воля, но не всякую народную волю он, говоря словами этого философа, признавал и допускал к изъявлению... Социализм претендовал на знание истины, и потому он не отдавал решения вопроса об истине механическому большинству голосов. У социализма были не скомпрометированные ценности, духовные знаки и символы, продолжающиеся традиции, усиленные отзвуками победной войны. На фоне дарования некоторых свобод «изъявления народной воли», как бы случайно, само собой (но ничего нет в мире случайного!) возникшей технической возможности этого «массового изъявления» впервые возник в обществе феномен «ТВ-присутствия», «ТВ-наблюдения» «ТВ-участия в событии». Отсюда – оглушительный успех первых прямых передач «Эстафета новостей», «КВН», «Голубой огонек», образовательных и культурно-просветительных передач, первых телефильмов, отошедших от схем и штампов литературного и киноклассицизма периода культа личности.

В следующий период истории нашего ТВ я бы выделил годы 70-е и 80-е. С романтизмом было покончено и в результате борьбы с инакомыслием, в том числе военными средствами (Чехословакия) и вследствие набравшего силу нового, но более сглаженного, чем старый, культа личности и всего круга связанных с ним явлений. На сцену выступила реальность «реального социализма» - с его определяющими, решающими и завершающими годами пятилеток, сменявшими один другого починами, лозунгами международной разрядки и

интернациональной помощи. Насколько реален был этот социализм, станет ясно позднее, но большинство «новой исторической общности» верило в его постройку и не подозревало о будущей перестройке. Философы предвидели ее. Французский политолог Режи Дебре (в 80-х гг. – советник президента Ф.Миттерана) еще в 1984 г. писал о предстоящем крахе коммунизма и развале СССР. Свое заключение он делал на понимании отсталости материальных сил СССР – времен первой индустриальной, а не третьей – компьютерной – революции и на явлении утраты Советским Союзом конкурентоспособности в области производства символов. То есть страна перестала производить в достаточном количестве песни, фильмы, литературные и музыкальные произведения, звезд кино, моды и т.д., несущие в себе прежние идеи коллективизма и братства, простодушия и непосредственности, душевной чистоты и скромности.

Но прежде чем наступило это время осознания тупика – сначала философами и широко мыслящей интеллигенцией, потом – все более широкими слоями, в истории телевидения проходили свои события. Многие из них носили революционный для того времени характер. Не будем здесь перечислять все технические свершения, которые произошли в этот период, они со всей полнотой описаны в монографии В.В.Егорова «Телевидение и власть», во многих других работах и статьях. Важно одно: телевидение, вещающее из Москвы, действительно стало Центральным. Его главенствующая роль проявлялась, так сказать, тотально – во всеобъемлющем охвате телевещанием огромной страны с использованием приемо-передающих станций систем «Орбита» и «Экран», передатчиков республиканских и местных студий.

Тотальность, неотвратимость телесигнала и переданного по нему сообщения тем более приветствовалась в регионах, когда собственная областная или республиканская студия включалась в общесоюзный эфир. Именно с конца 60-х годов Центральное телевидение стало

организовывать общесоюзные телевизионные «переключки» - предтечи прямых межконтинентальных мостов перестроечных лет. Регулярными стали совместные с республиками и регионами или же организованные в рамках совместных рубрик и программ передачи на экономические, политические, молодежные темы, передачи для различных слоев и категорий телезрителей, различные смотры и фестивали народного творчества. Телевидение объединяло страну духовно – в ее действительно существующей реальности единого Союза. Передачи цикла «От всей души», «Сельский час», «Кинопанорама» смотрела вся страна. И этот период можно было бы для дальнейших более подробных исследований истории отечественного ТВ обозначить как **реалистический** период.

Но, как уже отмечалось, на смену этой символике и знаковости в силу многих социально-политических причин, на которых здесь не место останавливаться, шла другая, в основе которой были индивидуализм, прагматизм, культ силы и предприимчивости. Те элементы культуры, которые создавались десятилетиями, исчезали в процессе навязывания американской идентичности, чуждых знаков и символов, захвативших к этому времени мировое информационное пространство.

В этот современный период, начавшийся после распада СССР и вычленения из него России, коммерциализации всей системы бывшего Центрального и регионального телевидения, происходит обратный процесс распространения идей, воплощенных во впечатлительные, заманчивые знаки и символы. Если в 50-е годы, на волне победы СССР над фашизмом Америка нервно воспринимала, как пишет А.Дж. Тойнби «духовное орудие пропагандистской машины СССР» (Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М. – С-ПБ. 1995, с.31), то через 40 лет сам Союз распался под воздействием духовного орудия аналогичной американской машины, скомпрометировав свои старые идеи и ценности, символы и лозунги, и не найдя новые.

Период развития отечественного ТВ после 1991 г. по прошествии ряда лет можно, как представляется, назвать «**эkleктическим**». Эkleктикос – выбирающий. Новорусское телевидение выбрало многие модели американизированного телезрелища, так же как вся страна – модель западной демократии с культом свободного человека, охраняемого законом. На нашей почве, где древо законности и правопорядка дает только первые побеги, как телезрелище, так и демократия в целом, предстают в весьма эkleктичной форме, сочетая в себе советские, зачастую и партийные традиции с образцами самой безответственной свободы.

Ю.Р.Рощин,
доцент ИПК работников
телевидения и радиовещания

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

В начале 90-х годов информационное поле России претерпело (уже второй раз на протяжении XX в.) радикальные изменения. Впервые это наблюдалось после октября 1917-го, в начальный период Советской власти, когда информационное поле России наполнилось новым, революционным содержанием. В этот период возникли новые понятия и представления во всех сферах общественной жизни, возникли новые явления в культуре, языке, быте. Сформировались новые социальные общности, слои, новые социальные типы – со своей моралью и ценностными установками.

Можно сказать, что в первые годы Советской власти произошла резкая смена информационного поля России, оно получило иное наполнение. И вот в начале 90-х гг. XX в. была предпринята новая попытка изменить наполнение российского информационного пространства. А до этого, в течение нескольких лет, демократические СМИ проводили (настойчиво и последовательно) кампанию «деидеологизации». Целью этой кампании было ниспровержение прежних идеологических установок «тоталитарного режима» и насаждение новой философии бытия и сознания.

Для определенной части граждан СССР эта «философия» оказалась весьма доходчивой и легкой для восприятия. В особенности такие ее положения как:

- не важно каким способом разбогатеть, важно быть богатым;
- дозволено все, что не запрещено законом (при общем известном состоянии нашего правотворчества и правоприменения этот принцип можно толковать как «дозволено все»);
- взятка не преступление, а всего лишь гонорар за услугу;
- патриотизм – это последнее убежище негодяев;
- индивидуальные интересы всегда должны доминировать над интересами коллективными;
- свобода торговли выше всех других видов хозяйственной деятельности и т.п.

Конечно, в строгом смысле, все это очень далеко и от философии. Политическая, пропагандистская направленность этих расхожих «истин» очевидна. И она приносит свои результаты.

Идейные позиции и политические убеждения прежних советских времен были публично осуждены и грубо высмеяны. А новые идейные ориентиры предложены не были. И, самое главное, не была выдвинута общенациональная объединяющая идея. Не были названы национально-государственные приоритеты и цели России, не заявлены ее интересы в сфере финансов и мировой экономики, в отношениях с внешним миром. Так называемая «Концепция внешней политики РФ», ставшая на несколько лет руководством в отношениях России с другими странами, нанесла ей огромный ущерб и привела ко многим губительным последствиям.

С развалом СССР и возникновением ситуации «однополюсного мира» был установлен «новый мировой порядок» во главе с США. Этот порядок основывается на принципах полной гегемонии, неограниченного господства одной «гипердержавы». США открыто претендуют на роль единственного субъекта «глобализации», остальным странам остается лишь участь ее объектов.

Сегодняшней России предлагается окончательно отказаться от своих собственных интересов, от своих мировоззренческих основ, самобытных черт – таких как народность, державность и соборность; отказаться от традиционных элементов национального самосознания и принять эту единственную модель «глобализации», название которой – американизм.

Ведущая роль в пропаганде (или, точнее сказать, в насаждении этой модели американизма, т.е. американского образа жизни и образа мысли) отводится, по замыслу западных идеологов, современным российским СМИ. И, в первую очередь, молодому поколению нынешних работников телевидения и прессы. При этом учитывается, что в профессии журналиста исключительно важное (по сравнению с другими специализациями) значение имеет сама личность работника СМИ, выступающего в роли информатора или комментатора, пропагандиста или противника каких-либо идей, обвинителя или защитника; а в случае наибольшего успеха – в роли кумира и властителя дум.

Здесь встает очень существенный вопрос о знаковых характеристиках этой личности, о ее направленности – созидательной или разрушительной. И, естественно, о результатах (точнее сказать, о социально-экологических последствиях) ее профессиональной деятельности. Почему речь идет о последствиях именно социально-

экологических? Потому что экологическая тематика утвердилась сегодня как одно из новых направлений в журналистике. Это направление обозначается такими понятиями, как «журналистика, эколого-ориентированная», «экологическая тема в журналистике», «тема, эколого-направленная» и т.п.

Это новое направление, так или иначе, касается проблем социальной экологии, и нам необходимо, хотя бы в общих чертах, определить содержание самого понятия «социальная экология». Оно включает в себя такие аспекты как экологическое мировоззрение, экология культуры, гармония с окружающей средой, экологически ориентированный образ жизни...

Надо иметь в виду, что «окружающая среда» (с позиций журналистской профессии) воспринимается не как «природная среда», а, скорее, как «социальная сфера», - со всем комплексом ее отношений: социальных, политических, правовых, экономических. Следует помнить о том, что проблематика, близкая к содержанию понятия «социальная экология» (в частности, характерных для социальной сферы), существует уже многие столетия, в то время как сам термин «экология» у нас в стране на слуху всего лишь лет тридцать.

Может быть, задача экологического направления в журналистике состоит, в первую очередь, именно в том, чтобы подвергать «социально-экологической экспертизе» события, поступки и человеческие отношения наших дней? Рассматривать их сквозь призму ноосферного сознания выдающихся русских мыслителей 19-20 вв. – Ф.Достоевского, Н.Федорова, И.Ильина, В.Вернадского, Н.Моисеева?

Один из возможных путей к успешному решению этой сложной задачи – совершенствовать учебные дисциплины, развивающие нравственно-культурную компоненту личности будущего журналиста.

Ее составляют знания о человеке и обществе, истории и культуре, о духовной жизни людей. В процессе изучения общих гуманитарных, социально-экономических и профессиональных дисциплин должны утверждаться высшие общественные ценности, дух терпимости, должно воспитываться чувство личной ответственности, должны вырабатываться навыки общения и сотрудничества с людьми.

Для студентов старших курсов, отличившихся особыми успехами в учебе и ориентированных на работу в общественно-политических редакциях СМИ, необходимо организовать специализацию по направлению проблемно-аналитическому (в отличие от новостной, репортерской, т.е. сугубо информационной, журналистики). Эта специализация должна основываться на знании аналитических методов журналистики и практическом (авторском) применении этих методов.

Проблемно-аналитическое направление в журналистике актуализирует значение блока социально-экономических дисциплин, требует более глубокого знания исследовательских методов общей социологии и социологии средств массовой коммуникации, а также социальной психологии и политологии. Студенты должны знать природу социальных явлений, их скрытый внутренний смысл. Цель такой специализации – подготовить наиболее способных выпускников к их будущей деятельности, направленной на повышение уровня ноосферизации информационно-коммуникативного поля России.

Можно ли сегодня рассчитывать на какие-либо твердые убеждения, четкие идейные позиции у той части молодых людей, которые обучаются на факультетах и отделениях журналистики? Думается, что нельзя. Свое идейно-нравственное воспитание они, как правило, получают в коридорах тех редакций, куда им удается устроиться после учебы, а чаще всего – еще во время учебы на младших

курсах, когда они начинают работать, не получив даже половины необходимых им базовых знаний. Там же, в редакциях, они определяются в своих мировоззренческих ориентациях, в своих жизненных планах, ближайших целях и т.п.

Результат такого самоопределения прямо зависит от того, по каким понятиям и принципам существуют те конкретные СМИ, в которые приходят работать наши студенты. Какие там установлены порядки, правила, традиции... Что представляют собой хозяева и руководители этих СМИ. Какова их клановая принадлежность, политическая ориентация, личные пристрастия, вкусы.

Впрочем, личные пристрастия и вкусы отдельного учредителя или собственника СМИ сегодня уже мало что значат. Характер конкретных СМИ, идеологические акценты и общую направленность их публикаций (телерадиопрограмм) определяют сегодня в большинстве случаев не их владельцы и даже не «олигархи» (в нашем, российском, смысле этого слова). Это определяют узкие группы людей (отнюдь не российского происхождения), объединенных общими экономическими (в первую очередь, финансовыми) и идеологическими целями. Специалисты в области мировой экономики дали им очень точное название – финансово-идеологические группы (ФИГ).

По расчетам специалистов, непосредственное руководство финансово-идеологическими группами осуществляют около двадцати богатейших кланов мира, в руках которых сосредоточено до 45 процентов всех мировых богатств. Именно эти кланы определяют основные направления глобального развития, а также систему властных отношений внутри подконтрольных им стран.

Поэтому любые планы возродить былую экономическую мощь России и даже любая попытка наших отечественных производителей

создать новые конкурентоспособные отрасли – встречают решительное противодействие со стороны ФИГ. Противодействие это оказывается сразу по двум направлениям: финансовому и идеологическому. Последнее же обязательно предполагает установление контроля над российскими СМИ – с тем, чтобы с их помощью направлять идеологические процессы и развитие властных отношений в стране в выгодную для себя сторону.

Цель эта, видимо, в основном достигнута, потому что влияние государства на современные российские СМИ (особенно – на электронные) практически равно нулю. И это создает тяжелую проблемную ситуацию. Основное противоречие ее в том, что, с одной стороны, нам крайне необходимо иметь свободную демократическую прессу, поощрять гласное обсуждение важнейших проблем общественной жизни; с другой стороны, положение таково, что большая часть действующих в нашей стране СМИ изо дня в день и со всё возрастающей активностью ведут разрушительную антигосударственную деятельность, обостряя обстановку нестабильности, хаоса, всеобщего распада. Особенно отличаются в этом электронные СМИ как наиболее эффективные по своему воздействию на массовую аудиторию.

«Государственный» телеканал РТР является, по сути, рупором одного телеведущего и тех финансово-идеологических структур, которые его поддерживают.

Ситуация парадоксальная и с той точки зрения, что современные политические партии России во многом зависят от СМИ. Последние явно присвоили себе сугубо политические функции или возможно даже партийно-политические и политико-организационные функции

оппозиции, забыв о своих основных обязанностях, которые заключаются в объективном информировании населения.

Такие функции прессы (функции явно разрушительные) нам уже достаточно знакомы по истории журналистики. Подобную работу (в качестве «коллективного организатора» в деле разрушения общественно-политического строя императорской России) успешно вела печать большевиков в период 1-ой мировой войны и после февраля 1917 года – вплоть до октябрьского переворота. Мощной подрывной силой показала себя журналистика в Чехословакии времен «пражской весны» 1968 года и в Польше времен Солидарности.

По тем же схемам и теми же методами действовали «демократические» СМИ в период горбачевской гласности и – с наибольшим разрушительным эффектом – после августа 1991 года.

Однако с начала «перестройки» прошло уже более 15-ти лет и пора, наконец, вспомнить, что у журналистики есть и другие, созидательные и конструктивные, функции. И пора подумать: кто же сможет их задействовать, обратить во благо всем нам?

В российскую журналистику должны прийти созидатели. Собиратели и преобразователи. Люди конструктивного начала. Их надо воспитать и подготовить. Заложить идейно-нравственные основы их личности еще в стенах университета. Идейно-нравственное воспитание будущего журналиста должно происходить одновременно с его профессиональным обучением.

Владыка Питирим, один из архипастырей русской православной церкви, в своем выступлении на конференции по правам человека сказал следующее: «... Надо спасать человека в его сознании, спасать его духовную сущность... Надо спасать русский язык... Русский язык, наша культура, наша национальная самобытность – это та же природа, та же

зеленая ветвь, та же естественная среда нашего обитания. Все это надо спасать как и всю живую природу».

На той же конференции в Международном независимом эколого-политологическом университете (МНЭПУ) основатель этого университета, его президент, академик РАН Н.Н.Моисеев сказал: «Надо говорить не столько о правах человека, сколько о его обязанностях и о его ответственности».

Здесь мы подходим к еще одному сложному вопросу профессиональной подготовки журналиста, к вопросу о правовом образовании и воспитании. Известно, что правовое начало и право вообще – это, прежде всего, права и свободы человека и гражданина. Такая концепция закреплена международными правовыми нормами, поэтому современная Россия, провозглашая себя демократическим, правовым, социальным государством, стремилась приблизиться в своем конституционализме к мировым стандартам. В статье 2 Конституции Российской Федерации записано, что права и свободы человека и гражданина признаются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – есть основная обязанность государства. В этой связи необходимо отметить, что российская конституционная модель закрепления прав и свобод в значительной мере скопирована со Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН. То же самое можно сказать и в отношении свободы мысли и слова, права на информацию, свободы массовой информации. Вот извлечение из Международного Пакта о гражданских и политических правах. В пункте 2 статьи 19 этого документа говорится о том, что каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения, что это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно или

посредством печати, или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору.

Аналогичная норма содержится в Европейской Конвенции о защите прав человека. Здесь право каждого человека на свободу выражения своих мнений декларируется в статье 10-ой. Это право предусматривает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Вместе с тем, статья 10 не препятствует европейским государствам вводить лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

Далее в этой же статье сказано, что осуществление вышеназванных свобод налагает определенные обязанности и ответственность и может быть сопряжено с ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, а также в целях предотвращения беспорядков и преступности, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Разъяснение «духа и буквы» 10-ой статьи Европейской Конвенции и других международных правовых норм должно стать одним из важных направлений правового воспитания студентов-журналистов.

Статья 10 Европейской Конвенции, особенно ее вторая, «ограничительная» часть, нашла своё отражение в российском Законе «О средствах массовой информации», принятом в декабре 1991 г. Для

отечественной журналистики это пока основной нормативный документ. Очень важное значение для нас имеет его статья 51, в которой говорится о недопустимости злоупотребления правами журналиста: «Не допускается использование установленных настоящим Законом прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений, сбора информации в пользу постороннего лица или организации, не являющейся средством массовой информации...»

Большое значение, с точки зрения правового образования журналистов, имеет Доктрина информационной безопасности РФ, подписанная президентом России в сентябре 2000 года. Это – государственный документ очень высокого уровня. Цель его очевидна – создать правовые основы для осуществления твёрдой государственной политики в области информационной безопасности. Последняя рассматривается в Доктрине как один из элементов общенациональной безопасности, как одно из неперенных условий её обеспечения.

К сожалению, в своё время не было организовано широкое публичное распространение текста Доктрины, и столь важный документ настоящей гласности не получил. Не была также обеспечена его пропаганда в СМИ. Большинство из них лишь процитировали отдельные места из Доктрины, выбранные и откомментированные весьма тенденциозно.

Доктрину информационной безопасности необходимо изучать подробно – по всем четырём её разделам.

Процесс формирования правовых начал в общественной и государственной жизни России находится, можно сказать, в начальной стадии своего развития. Сформированы еще далеко не все институты российской правовой государственности. Не создана еще надлежащая

нормативно-правовая база и механизмы защиты конституционного строя в России.

Столь же малоразвито (не сформировано) и правовое поле журналистики. Как и сама система журналистского права в России. О несовершенстве правовых основ журналистики свидетельствует, например, такой факт: в статьях законодательных актов, так или иначе касающихся деятельности СМИ, специалисты находят более 150 разных неувязок с Конституцией Российской Федерации. Да и сама Конституция, по отзывам ученых-правоведов, содержит в себе многочисленные противоречия разного уровня и разных категорий сложности. Что, конечно, необходимо учитывать в учебных курсах по правовым основам журналистики.

Однако наиболее важной проблемой, с точки зрения возможности реального осуществления конституционных идей гуманного и справедливого права, признано отсутствие в России надежной системы гарантий прав и свобод человека и гражданина. По степени соблюдения и защищенности этих высших ценностей конституционализма (прежде всего – гарантированности права на жизнь) Россия находится на одном из последних мест в мире: она стоит в ряду с такими странами как Эфиопия.

Неустойчивость российской демократии породила и такую важнейшую для нашей страны проблему как ответственность перед законом должностных лиц и органов государственной власти. Формирование ответственной государственной власти предполагает строгую правовую ответственность за несоблюдение российских законов, с одной стороны, и ответственность перед народом, с другой...

Вспоминается одна из ярких деталей недавно прошедшей международной научной конференции по проблемам интеграции

регионального и глобального сотрудничества в области международной безопасности. Китайский взгляд на эти проблемы изложил Янг Сюнь, заместитель директора Института мирового развития при Госсовете КНР. Это блестящий специалист, видимо, один из представителей нового поколения китайской интеллектуальной элиты. Запомнилась его фраза в ответ на заданный ему вопрос: «В Китае, – сказал Янг Сюнь, – демократия рассматривается не как самоцель, а лишь как средство к достижению благополучия страны...»

Тогда на конференции невольно пришла мысль, что у нас демократия всегда воспринималась именно как самоцель. Так же, как и главные ценности ее – права и свободы человека. А ведь демократические права и свободы (и в целом – любая из конституционно-правовых реформ, где бы она ни проводилась) должны быть, по сути, одной из форм социальных преобразований. Не орудием разрушения и всеобщего распада, а эффективным средством преобразующего воздействия на все стороны материальной и духовной жизни людей, гарантом благополучия и стабильности.

Это же относится и к другим некогда приоритетным направлениям демократических реформ в России. В первую очередь – к рыночной экономике. Сколько бед принесли нашей стране безграмотные, циничные экспромты «молодых реформаторов»! Это для них тоже было самоцелью...

И вот, наконец, мы услышали здравую мысль, по-настоящему умное суждение: «Никакая экономическая реформа, никакая экономика вообще не имеет смысла, если она не приводит к реальному облегчению положения народных масс, к повышению уровня их жизни».

Эту здравую мысль высказал осенью прошлого года президент России В.В.Путин. Его высказывание осталось незамеченным. Я не

слышал, чтобы его комментировали ведущие новостных и аналитических программ телевидения. Не встречал, в связи с этим, громких заголовков в прессе. Но мне хотелось бы верить, что с этого высказывания президента начнётся реальное возрождение нашего Отечества, что будут сделаны первые шаги на пути к достижению его благополучия.

Ю.П.Буданцев,
профессор ИПК работников
телевидения и радиовещания

СОБОРНОЕ НАЧАЛО ПРОФЕССИИ

ЖУРНАЛИСТА

История нашей отечественной журналистики начинается не 300 лет назад, а намного-намного раньше. У нее корни общие с нашей литературой, и начинается она с **летописей**. Потому-то, например, "Слово о полку Игореве" - событийное явление не только истории нашей литературы, но и нашей журналистики.

Образы людей и природы в летописях в высшей степени документальны, но они же и в высшей степени высокохудожественны. Это свойство зримо представлено **в иконах**, где **реальное лицо - лик святого**, где документальное также и более чем художественное. Это более чем реальность, сверхреальность, - итог соблюдения особых условий и правил профессионального творчества, профессиональной подготовки.

Такое славное начало нашей журналистики обязывает к соответствующей высокой требовательности оценок **всей истории журналистики** как **словесного литературного творчества**. Оно обязывает не забывать заветы подвижнической, подлинно героической журналистики и продолжать их. Перед вами - попытка воссоздания заветных правил и условий героической журналистики, где я лишь скромно следую пушкинской традиции, которая, конечно же, не прерывается после празднований юбилеев.

ЧИСТЫЙ СВЕТ ЛАМПАДЫ. *В пушкинском “Борисе Годунове”, по содержанию и исполнению словно свыше ниспосланном, одно из действующих лиц — монах Пимен. Его даже “действующим лицом” вроде бы и считать неудобно, настолько кратковременно явление монаха перед нами. Вся сцена в Чудовом монастыре — двести строчек текста, из них пименовская речь — сто пятьдесят две строки, и в ней знаменитый монолог — двадцать семь строк (лишь 125 слов!), — какие уже тут “действия”, правда? Но в боговдохновенном творении все второстепенное крайне необходимо, к месту. Пимен же по своему значению в трагедии, названной А.С.Пушкиным “комедией о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве”, никак двум главным действующим лицам не уступает.*

Пимен — летописец. Монашеская келья и в ней Пимен перед ровным светом лампы как бы присутствуют в каждой сцене, им и написанной. Вся трагедия — сказание Пимена. И посвящена-то она “драгоценной для России памяти” Николая Михайловича Карамзина, великого летописца, автора первой отечественной истории.

Пимен — творческий портрет Н.М.Карамзина и автопортрет А.С.Пушкина. На Пимена не грех равняться всем нынешним летописцам, включая журналистов. Он — их идеал. Самое сокровенное из раздумий Пимена — в его первом монологе. Он произносит его ночью, под утро, перед иконами, без лукавства и утайки. Слышит его только Бог. И это уже как бы исповедь. 125 слов монолога — завет нам. (Собр. соч. в 8 тт. Т.6.М.,1969.Сс.22-24). Что же в этих скупых словах сокровенного, заповедного и для нас?

Пимен относится к летописанию, погодным записям, как к “сказаниям” о действительных событиях, то есть он *рассказывает* о них как честный свидетель. Это рассказ безо лжи, без надуманности. Пимен

включен в событие, как в **со-бытие, совместное бытие с теми, о ком он пишет.**

Еще одно, последнее сказанье — И летопись окончена моя, — это завершение летописи, свода сказаний о действительных событиях, представляется Пимену как исполнение долга. И долга необычного, поскольку он завещан от Бога. Пимен осознает свое **словесное творчество свидетеля событий как исполнение порученного ему самим Богом.** Только труд, выражающий исполнение долга, завещанного от Бога, имеет оправдание для Пимена. Так же осознается и неслучайность “грешного” бытия Пимена.

Исполнен долг, завещанный от Бога

Мне грешному.

Неслучайными, а в высшей степени закономерными (иначе не могло быть!) являются не только выбранный Пименом определенный вид деятельности, но и само бытие Пимена **в определенное историческое время, включенность именно в эти со-бытия,** а не какие-либо другие. Быть здесь и именно в это время, — Пимен в полной мере осознает свой долг, предназначение. Если бы каждый в такой же мере жил по долгу и совести!...

Недаром многих лет

Свидетелем Господь меня поставил...

И те же навыки словесного творчества (“грамота”), бесконечно дороги Пимену не только потому, что они необходимы для выполнения святого долга, но потому еще, что они дарованы Богом, — **Богом данный дар. Святой долг можно выполнить только при помощи этого дара. Господь “книжному искусству вразумил”.**

Труд, как исполнение святого долга, — предельно усердный. С точки зрения какого-нибудь модного светского журналиста, увы, распространенной, труд не благодарный. Он не вознаграждается

материально. И тщеславие модного современника таким усердием тоже не насытить. **Это труд безымянный.** Пимену он приносит удовлетворение осознанием, что исполнение святого долга будет оценено в будущем, достойными потомками. **Линия преемственности по отношению к потомкам и преемникам здесь, прежде всего, духовная, православная.**

Когда-нибудь монах трудолюбивый

Найдет мой труд усердный, безымянный,

Засветит он, как я. свою лампаду —

И пыль веков от хартий отряхнув,

Правдивые сказания перепишет,

Да ведают потомки православных

Земли родной минувшую судьбу...

В пименовской летописи события запечатлены как живые образы. Они и самим Пименом переживаются именно так.

На старости я сызнова живу,

Минувшее проходит предо мною —

Давно ль оно неслось, событий полно.

Волнуясь как море окиян?

Перед нами цепочка ключевых опорных слов, выражающих высшие творческие ценности летописца. Попробуйте соотнести их с собственным бытием, прикинуть к себе, и вы, быть может, почувствуете значение *света слова* и ответственность труда словесника: “долг, завещанный от Бога” — “многих лет свидетелем господь меня поставил” — “и книжному искусству вразумил” — “монах трудолюбивый” — “мой труд усердный, безымянный” — “правдивые сказания” — “потомки православных” — “на старости я сызнова живу, минувшее проходит предо мною”. **Правдивые сказания, живые образы событий могут быть итогом лишь только определенного труда, творчества определенной соборной личности.**

РАСПУТЬЕ. Такое осознание своего труда — выбор свободного человека, мудрого и бескомпромиссного. глубоко верующего в Бога, православного. Возможен иной выбор. Другой путь выбирает Гришка Отрепьев, отданный под начало отцу Пимену, живущий в его келье, и тоже, по словам игумена Чудова монастыря, “весьма грамотен”, читает летописи, сочиняет каноны святым, и ему Пимен хотел передать свой труд. Это свободный выбор тщеславного вероотступника, ”врагоугодника”. При таком выборе **“грамота далася ему не от господа Бога”**. К этой оценке игумена сам патриарх добавляет: “Уж эти мне грамотеи! Что еще выдумал! буду царем на Москве! Ах, он сосуд диавольский!... эдака ересь! буду царем на Москве!” (там же, сс.31-32).

Гришка — антипод Пимена. Он **“сосуд диавольский”**, орудие сатаны, и все словесные таланты и навыки — от последнего. Гришка тоже произносит монологи, первый из них — сразу же после заповедных пименовских раздумий. Затаенные ценности Гришки разнятся от пименовских, и разнятся настолько, что он не в состоянии ни понять, ни принять, как свое, пименовское усердие. “Смиранный и величавый” вид Пимена Гришка связывает с равно спокойным отношением как к “правым”, так и к “виновным” в событиях. Гришке принадлежит глубоко ошибочная оценка труда летописца:

*Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.*

В монологе-завещании Пимена программа совсем иная. противоположная:

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,*

*Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.*

В словах-опорах — выражение заинтересованной, равнодушной, страстной оценки событийного: **“земли родной” — “царей великих” — “за их труды, за славу, за добро”, - “за грехи”, “за темные деяния”**. Нужно любить свою землю, тогда она “родная”. Нужно знать, в чем величие государственных мужей, и тогда они - “великие”. То есть чтобы дать такие оценки, надо не только знать, что есть добро и зло, грех, но и **от начала и до конца стоять на стороне добра и, более того, просить Господа простить грешников.** *“А за грехи, за темные деянья Спасителя смиренно умоляют”*.

Образец “правдивого сказания”, живой образ события, “злого дела”, “кровавого греха” — рассказ Пимена об убийстве Димитрия- царевича. Изложением ужасного угличского события, “ сей повестью плачевной” Пимен заключает свою летопись. И даже непробивного Гришку сказание впечатляет в полной мере:

*Борис, Борис! все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда. (Там же, с.30)*

Однако сам Гришка, будущий Лжедмитрий, себя ни судом мирским, ни тем более Божьим судом не судит. Во всех своих суждениях он смотрит на себя как бы со стороны, *извне, а не изнутри, не от сердца*. Самооценки Отрепьева являются отстраненными, рациональными. Он как бы спит

наяву и в действительных событиях видит себя в измерении вещего сна, который трижды привиделся ему в пименовской келье и в котором он простился с остатками совести :

*А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне, и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался...(там же, с.25).*

Последние остатки совести в оценках: “бесовское мечтанье”, ”враг меня мутил”. Вера и продолжение пименовского *безымянного* дела, пост и молитва не для Гришки. Побеждают “бесовское мечтанье”, вражья муть, — Гришка сбегает из Чудова монастыря и остается в истории выродком под именем Лжедмитрия:

*Виновен я: гордыней обуянный,
Обманывал я бога и царей.
Я миру лгал... (там же, с.80).*

В монологах Пимена и Гришки противостоит друг другу слово правое и слово неправое, слово-правда и слово-ложь, живое и мертвое слова. Заповедь “говорить слово по правде” противостоит макиавеллиевскому — “язык дан нам для того, чтобы скрывать свои мысли”. В равной мере здесь противостоят разные опыты жизни. **Домонашеская героическая (в битвах за родную землю против татар и литовцев) и монашеская подвижническая (предельно духовная) жизнь Пимена** и псевдомонашеская и светская предательская (в битвах против родной земли, в союзниках с ее врагами) жизнь Отрепьева.

Заповедь “собирать и защищать родную землю” — макиавеллиевскому “разделяй и властвуй”.

Здесь противостоят друг другу духовный, светлый *внутренний человек с его “золотой серединой”* и мирской, светский *внешний человек с его крайностями*. Человек православный и человек западный (прозападный). Соборный личностный класс и агрессивный личностный класс.

ВЫБОР

Пимен	Отрепьев
<i>Внутренний человек</i>	<i>Внешний человек</i>
Православная вера	Богоотступничество
Святость	Светскость
Совесть	Выгода
Патриотизм	Космополитизм
Смирение	Тщеславие
Пост	Чревоугодие
Сдержанность	Сластолюбие
Человеколюбие	Себялюбие
Сострадание	Жестокость
Миролюбие	Агрессивность
Добротолюбие	Властолюбие
Искренность	Лукавство
Честность	Жульничество
Стойкость	Непостоянство
Трудолюбие	Праздность
Добрословие	Блудословие

В Григории Отрепьеве внешнее начало проявляется в крайней мере: вместе с отчуждением от родной веры и родной земли он неумолимо превращается в безымянную марионетку, пешку в руках врагов своего народа, чужого короля, главы чужой веры.

...ни король, ни папа, ни вельможи

Не думают о правде слов моих.

Димитрий я иль нет, — что им за дело?

Но я предлог раздоров и войны,

Им это лишь и нужно (там же, с.83).

Первый путь — неустанная духовно-нравственная работа над собой, лестница к Богу. Второй путь — падение в сатанинскую бездну. И не распутье ли каждого из нас: итти по пути светлому или пути светскому? Да, распутье. И мера при выборе здесь та же, что и при мере всей истории. Это мера и твоя, и моя. Наша общая вечная мера.

МЕРА. Монах Пимен выражает в своем словесном творчестве народное православное мнение. Это видимая часть народного сознания с его сердцевиной — заповедями Божиими. Именно сердцевина затронута историческими событиями: каждый с его деяниями оценивается по мере соответствия ей. В “Борисе Годунове” — постоянное присутствие Бога.

В летописных сказаниях и в самой пушкинской трагедии средоточием меры является шестая заповедь - “Не убий”. Уже в первой сцене трагедии, точно отнесенной по времени (1598 года, 20 февраля, от нас четыреста лет и три года), в разговоре Шуйского с Воротынским раз за разом звучит признание угличского события “ужасным злодейством”, “злодеянием”.

Это лейтмотив всей трагедии, от ее начала и до конца, то есть *мера всей истории*.

Хронологически через пять лет после разговора бояр, уже в ночной сцене в Чудовом монастыре Пимен, заключая летопись именно рассказом об убиении, выступает как исторический свидетель. Для него честное и оценочное свидетельство — естественный нравственный поступок, на который, однако, не способен другой свидетель — Шуйский. Для того, чтобы сказать правду, нужна естественная, нравственно чистая смелость, которой у боярина нет. Вот Шуйский говорит:

Не хвастаюсь, а в случае, конечно,

Никая казнь меня не устрашит.

Я сам не трус, но также не глупец

И в петлю лезть не соглашуся даром (там же, сс. 11-12).

Оправдание ли? Да нет. Чуть раньше Воротынский говорит Шуйскому, не осмелившемуся сказать правду:

Не чисто, князь.

И от этой оценки уже не уйти. И слово, и молчание ценится как поступок.

И далее Шуйский — весь во лжи.

Любое слово и любое молчание соотносится с величайшей по значению заповедью Бога — “Не убий”. И даже лжецы оправдывают себя чужими грехами. Лжедмитрий:

Я ж вас веду на братьев; я Литву

Позвал на Русь, я в красную Москву

Кажу врагам заветную дорогу!..

Но пусть мой грех падет не на меня —

А на тебя, Борис-цареубийца! -

Вперед! (там же, с. 86).

И в современной истории, как часто в безоглядном “Вперед!”, мы хотим оправдать собственные грехи чужими, “следствие” - “причиной”. Народное же сознание дает греху однозначное толкование, и это — оценка истории. Время способно расставить все “по своим местам” именно в силу такой оценки. Никуда от этого не денешься: злодейство не приукрасить исторической необходимостью, — рано или поздно, народ все равно по-пименовски назовет его “злым делом”, “кровавым грехом”. Убийц - ”убийцами”. Предателей - “предателями”, “Иудами”.

И это именно народ действует в невыдуманном сказании:

*А тут народ. остервенясь, волочит
Безбожную предательницу мамку...
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Бярятинский.
“Вот, вот злодей!” — раздался общий вопль,
И миг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца,
И чудо — вдруг мертвец затрепетал —
“Покайтесь!” — народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись — и назвали Бориса.*

И вслед за Пименом мы скажем:

*О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли (там же, сс.28-29).*

Народ отказывается от своего же соборного решения — выбора царем Бориса Годунова — именно в силу заповеди “Не убий”. Ею, как

всеобщей мерой истории, освящен и рассказ Пимена об Иване Грозном и его сыне, царе Феодоре. Словно в подтверждение монолога-завещания Пимен повествует, как в той же самой келье Чудова монастыря слезно и прилюдно каялся “преступник окаянный” Грозный и молились за него монахи. И в том же рассказе Грозному противопоставлен кроткий Феодор, преобразивший царские чертоги в молитвенную келью и заслуживший перед кончиной небесное виденье.

Не только действительная история, но и слово о ней, оценка истории должны быть освящены величайшей заповедью. Временная поддержка самозванца народным мнением объясняется тем, что в распространенном *сверху*, боярами, пропагандистском мифе Димитрий-царевич избежал смерти, хотя она готовилась ему. Выродок и убийца Лжедмитрий использует в своих интересах миф, эксплуатируя самое святое — “Не убий”. Он нарушает заповедь и поступком, и словом.

ГЛАС БЕЗМОЛВИЯ. Идет борьба за народное мнение. Сталкиваются светлое слово и темное слово. Еще в первой сцене Шуйский, не по совести, а по зависти и тщеславию затаенный враг Годунова, выбалтывает коварный план:

*Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут* (там же, с.13).

Речь идет о начале самой настоящей психологической войны. И она шла все пять лет, отделявшие встречу Шуйского с Воротынским и сцену в Чудовом монастыре. Только теперь, через пять лет, в борьбу за народное мнение, которую ведут и Годунов, и бояре, присоединяется спутавший планы всех Лжедмитрий, по-своему обобщивший опыт и Годунова, и бояр.

И вот в психологической войне ключевую роль начинают играть останки Дмитрия-царевича. Патриарх призывает:

*Вот мой совет: во Кремль святыи моци
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском, народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах (там же, сс.90-91).*

Здесь четкая разделительная линия между светом и тьмой. Но она не устраивает Шуйского, будущего временщика, который боится “выйти из игры”. Он “мудро” возражает патриарху как искусный мастер пропаганды. В его устах сама правда служит лжи. И сейчас, через четыреста лет, все это воспринимается так, как будто речь идет не только о мощах Дмитрия-царевича, но и о других убиенных, других останках, вовлеченных в грязную политику наших дней:

*...надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;
А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.
Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;
Но есть на то иные средства — проще.
Так, государь — когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,*

Уговорю, усовещу безумство И злой обман бродяги обнаружу (там же).

На том в Кремле и порешили.

Однако и богатый многолетний опыт этого предшественника современных PR-менов, и вся мощь пропагандистских усилий окружения Лжедмитрия, включая продажных поэтов с их “*Muza gloriam coronat, gloriaque musam*”, бессильны перед соборной правдой Пимена, Юродивого, Бабы (с ребенком), Старухи, Мальчишек, пленника Рожнова, Другого, Третьего из народа, -перед *православными*, всей этой, по вражеским словам, “рванью окаянной, проклятой сволочью”.

Недолго властвует в Москве Лжедмитрий, а за ним и Шуйский.

Мера истории народом — в бесконечном “Не убий”. Народное сознание и его наиболее подвижная часть — народное мнение, связанные с бесконечной мерой, противостоят различным видам сиюминутного, светского “общественного мнения”. Мера истории предателями “отрепьевыми” и предателями-отрепьевцами, Шуйскими, разделителями и торговцами земли родной, — в тщеславии, власти, богатстве, чревоугодии, сластолюбии, в измеримых показателях “общественного мнения”. Сравнить эти две меры — все равно что сравнить бесконечность с сантиметрами и выдавать последние за суть исторического пространства.

Потому-то и в действительной истории и в слове о ней, выражающем народную меру, не нужно делать поспешные выводы, обольщаться по поводу “безразличного молчаливого большинства” или “равнодушного молчания народа”. В конечной сцене пушкинской трагедии молчание народа есть выражение ужаса от совершенного боярами-отрепьевцами злодеяния — убийства Годуновых. В этой сцене молчит весь народ, все, кто до злодеяния еще мог спорить друг с другом или обмениваться “сантиметровыми” мнениями.

Народ в безмолвии своем, в тишине, в отличие от отступников, слышит глас Божий: “Не убий”. Так первые сцены связываются с последней. И в конечном молчании слышится все то же народное:

О Боже мой, кто будет нами править?

О горе нам!

Безмолвие народа страшнее самых страшных слов.

Пушкин двумя величественными словами “Народ безмолвствует”, — они могли вырваться только из души гениального русского **народного** писателя, —помогает верно оценить исторические события.

М о с а л ь с к и й:

Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.

Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует.

К о н е ц.

Наступал конец Смутному времени. Народное сознание, народное мнение выстрадало появление таких героев, как Минин и Пожарский. И сейчас в призрачной конечной тишине чудятся светлые слова нашего предка-летописца, в наше время завещанием направленные:

Ты грамотой свой разум просветил,

Тебе свой труд передаю. В часы,

Свободные от подвигов духовных,

Описывай, не мудрствуя лукаво,

Все то, чему свидетель в жизни будешь:

Войну и мир, управу государей,

Угодников святые чудеса,

Пророчества и знаменья небесны —

*А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрене... благослови, Господь,
Своих рабов!.. подай костыль, Григорий (там же, сс.29-30).*

Молодым — не остаться равнодушными к светлым словам,
продолжить их.

Ю.П.Буданцев,
профессор ИПК работников
телевидения и

радиовещания

СОБОРНОЕ НАЧАЛО ПРОФЕССИИ

ЖУРНАЛИСТА

История нашей отечественной журналистики начинается не 300 лет назад, а намного-намного раньше . У нее корни общие с нашей литературой, и начинается она с летописей. Потому-то, например, "Слово о полку Игореве" - событийное явление не только истории нашей литературы, но и нашей журналистики.

Образы людей и природы в летописях в высшей степени документальны, но они же и в высшей степени высокохудожественны. Это свойство зримо представлено в иконах, где реальное лицо - лик святого, где документальное также и более чем художественное. Это более чем реальность, сверхреальность, - итог соблюдения особых условий и правил профессионального творчества, профессиональной подготовки.

Такое славное начало нашей журналистики обязывает к соответствующей высокой требовательности оценок **всей истории журналистики** как **словесного литературного творчества**. Оно обязывает не забывать заветы подвижнической, подлинно героической журналистики и продолжать их. Перед вами - попытка воссоздания заветных правил и условий героической журналистики, где я лишь скромно следую пушкинской традиции, которая, конечно же, не прерывается после празднований юбилеев.

ЧИСТЫЙ СВЕТ ЛАМПАДЫ. В пушкинском “Борисе Годунове”, по содержанию и исполнению словно свыше ниспосланном, одно из действующих лиц — монах Пимен. Его даже “действующим лицом” вроде бы и считать неудобно, настолько кратковременно явление монаха перед нами. Вся сцена в Чудовом монастыре — двести строчек текста, из них пименовская речь — сто пятьдесят две строки, и в ней знаменитый монолог — двадцать семь строк (лишь 125 слов!), — какие уже тут “действия”, правда? Но в боговдохновенном творении все второстепенное крайне необходимо, к месту. Пимен же по своему значению в трагедии, названной А.С.Пушкиным “комедией о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве”, никак двум главным действующим лицам не уступает.

Пимен — летописец. Монашеская келья и в ней Пимен перед ровным светом лампы как бы присутствуют в каждой сцене, им и написанной. Вся трагедия — сказание Пимена. И посвящена-то она “драгоценной для России памяти” Николая Михайловича Карамзина, великого летописца, автора первой отечественной истории.

Пимен — творческий портрет Н.М.Карамзина и автопортрет А.С.Пушкина. На Пимена не грех равняться всем нынешним летописцам, включая журналистов. Он — их идеал. Самое сокровенное из раздумий Пимена — в его первом монологе. Он произносит его ночью, под утро, перед иконами, без лукавства и утайки. Слышит его только Бог. И это уже как бы исповедь. 125 слов монолога — завет нам. (Собр. соч. в 8 тт. Т.6.М.,1969.Сс.22-24). Что же в этих скупых словах сокровенного, заповедного и для нас?

Пимен относится к летописанию, погодным записям, как к “сказаниям” о действительных событиях, то есть он рассказывает о них как честный свидетель. Это рассказ безо лжи, без надуманности. Пимен включен в событие, как в со-бытие, совместное бытие с теми, о ком он пишет.

Еще одно, последнее сказанье —

И летопись окончена моя, -

это завершение летописи, свода сказаний о действительных событиях, представляется Пимену как исполнение долга. И долга необычного, поскольку он завещан от Бога. Пимен осознает свое **словесное творчество свидетеля событий как исполнение порученного ему самим Богом.** Только труд, выражающий исполнение долга, завещанного от Бога, имеет оправдание для Пимена. Так же осознается и неслучайность “грешного” бытия Пимена.

Исполнен долг, завещанный от Бога

Мне грешному.

Неслучайными, а в высшей степени закономерными (иначе не могло быть!) являются не только выбранный Пименом определенный вид деятельности, но и само бытие Пимена **в определенное историческое время, включенность именно в эти со-бытия,** а не какие-либо другие. Быть здесь и именно в это время, — Пимен в полной мере осознает свой долг, предназначение. Если бы каждый в такой же мере жил по долгу и совести!...

Недаром многих лет

Свидетелем Господь меня поставил...

И те же навыки словесного творчества (“грамота”), бесконечно дороги Пимену не только потому, что они необходимы для выполнения святого долга, но потому еще, что они дарованы Богом, — **Богом данный дар. Святой долг можно выполнить только при помощи этого дара. Господь “книжному искусству вразумил”.**

Труд, как исполнение святого долга, — предельно усердный. С точки зрения какого-нибудь модного светского журналиста, увы, распространенной, труд не благодарный. Он не вознаграждается материально. И тщеславие модного современника таким усердием тоже не

насытить. **Это труд безымянный.** Пимену он приносит удовлетворение осознанием, что исполнение святого долга будет оценено в будущем, достойными потомками. **Линия преемственности по отношению к потомкам и преемникам здесь, прежде всего, духовная, православная.**

Когда-нибудь монах трудолюбивый

Найдет мой труд усердный, безымянный,

Засветит он, как я. свою лампаду —

И пыль веков от хартий отряхнув,

Правдивые сказания перепишет,

Да ведают потомки православных

Земли родной минувшую судьбу...

В пименовской летописи события запечатлены как живые образы. Они и самим Пименом переживаются именно так.

На старости я сызнова живу,

Минувшее проходит предо мною —

Давно ль оно неслось, событий полно.

Волнуясь как море окиян?

Перед нами цепочка ключевых опорных слов, выражающих высшие творческие ценности летописца. Попробуйте соотнести их с собственным бытием, прикинуть к себе, и вы, быть может, почувствуете значение *света слова* и ответственность труда словесника: “долг, завещанный от Бога” — “многих лет свидетелем господь меня поставил” — “и книжному искусству вразумил” — “монах трудолюбивый” — “мой труд усердный, безымянный” — “правдивые сказания” — “потомки православных” — “на старости я сызнова живу, минувшее проходит предо мною”. **Правдивые сказания, живые образы событий могут быть итогом лишь только определенного труда, творчества определенной соборной личности.**

РАСПУТЬЕ. Такое осознание своего труда — выбор свободного человека, мудрого и бескомпромиссного. глубоко верующего в Бога, православного. Возможен иной выбор. Другой путь выбирает Гришка Отрепьев, отданный под начало отцу Пимену, живущий в его келье, и тоже, по словам игумена Чудова монастыря, “весьма грамотен”, читает летописи, сочиняет каноны святым, и ему Пимен хотел передать свой труд. Это свободный выбор тщеславного вероотступника, ”врагоугодника”. При таком выборе **“грамота далася ему не от господа Бога”**. К этой оценке игумена сам патриарх добавляет: “Уж эти мне грамотеи! Что еще выдумал! буду царем на Москве! Ах, он сосуд диавольский!... эдака ересь! буду царем на Москве!” (там же, сс.31-32).

Гришка — антипод Пимена. Он **“сосуд диавольский”**, орудие сатаны, и все словесные таланты и навыки — от последнего. Гришка тоже произносит монологи, первый из них — сразу же после заповедных пименовских раздумий. Затаенные ценности Гришки разнятся от пименовских, и разнятся настолько, что он не в состоянии ни понять, ни принять, как свое, пименовское усердие. “Смиранный и величавый” вид Пимена Гришка связывает с равно спокойным отношением как к “правым”, так и к “виновным” в событиях. Гришке принадлежит глубоко ошибочная оценка труда летописца:

*Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.*

В монологе-завещании Пимена программа совсем иная. противоположная:

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,*

*Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.*

В словах-опорах — выражение заинтересованной, равнодушной, страстной оценки событийного: **“земли родной” — “царей великих” — “за их труды, за славу, за добро”, - “за грехи”, “за темные деяния”**. Нужно любить свою землю, тогда она “родная”. Нужно знать, в чем величие государственных мужей, и тогда они - “великие”. То есть чтобы дать такие оценки, надо не только знать, что есть добро и зло, грех, но и **от начала и до конца стоять на стороне добра и, более того, просить Господа простить грешников.** *“А за грехи, за темные деянья Спасителя смиренно умоляют”*.

Образец “правдивого сказания”, живой образ события, “злого дела”, “кровавого греха” — рассказ Пимена об убийстве Димитрия- царевича. Изложением ужасного угличского события, “ сей повестью плачевной” Пимен заключает свою летопись. И даже непробивного Гришку сказание впечатляет в полной мере:

*Борис, Борис! все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда. (Там же, с.30)*

Однако сам Гришка, будущий Лжедмитрий, себя ни судом мирским, ни тем более Божьим судом не судит. Во всех своих суждениях он смотрит на себя как бы со стороны, *извне, а не изнутри, не от сердца*. Самооценки Отрепьева являются отстраненными, рациональными. Он как бы спит

наяву и в действительных событиях видит себя в измерении вещего сна, который трижды привиделся ему в пименовской келье и в котором он простился с остатками совести :

А мой покой бесовское мечтанье

Тревожило, и враг меня мутил.

Мне снилось, что лестница крутая

Меня вела на башню; с высоты

Мне виделась Москва, что муравейник;

Внизу народ на площади кипел

И на меня указывал со смехом,

И стыдно мне, и страшно становилось —

И, падая стремглав, я пробуждался...(там же, с.25).

Последние остатки совести в оценках: “бесовское мечтанье”, ”враг меня мутил”. Вера и продолжение пименовского *безымянного* дела, пост и молитва не для Гришки. Побеждают “бесовское мечтанье”, вражья муть, — Гришка сбегает из Чудова монастыря и остается в истории выродком под именем Лжедмитрия:

Виновен я: гордыней обуянный,

Обманывал я бога и царей.

Я миру лгал... (там же, с.80).

В монологах Пимена и Гришки противостоит друг другу слово правое и слово неправое, слово-правда и слово-ложь, живое и мертвое слова.

Заповедь “говорить слово по правде” противостоит макиавеллиевскому — “язык дан нам для того, чтобы скрывать свои мысли”. В равной мере здесь противостоят разные опыты жизни. **Домонашеская героическая (в битвах за родную землю против татар и литовцев) и монашеская подвижническая (предельно духовная) жизнь Пимена и псевдомонашеская и светская предательская (в битвах против родной**

земли, в союзниках с ее врагами) жизнь Отрепьева. Заповедь “собирать и защищать родную землю” — макиавеллиевскому “разделяй и властвуй”.

Здесь противостоят друг другу духовный, светлый *внутренний человек с его “золотой серединой”* и мирской, светский *внешний человек с его крайностями*. Человек православный и человек западный (прозападный). Соборный личностный класс и агрессивный личностный класс.

ВЫБОР

Пимен	Отрепьев
<i>Внутренний человек</i>	<i>Внешний человек</i>
Православная вера	Богоотступничество
Святость	Светскость
Совесть	Выгода
Патриотизм	Космополитизм
Смирение	Тщеславие
Пост	Чревоугодие
Сдержанность	Сластолюбие
Человеколюбие	Себялюбие
Сострадание	Жестокость
Миролюбие	Агрессивность
Добротолубие	Властолюбие
Искренность	Лукавство
Честность	Жульничество
Стойкость	Непостоянство
Трудолюбие	Праздность
Добрословие	Блудословие

В Григории Отрепьеве внешнее начало проявляется в крайней мере: вместе с отчуждением от родной веры и родной земли он неумолимо превращается в безымянную марионетку, пешку в руках врагов своего народа, чужого короля, главы чужой веры.

...ни король, ни папа, ни вельможи

Не думают о правде слов моих.

Димитрий я иль нет, — что им за дело?

Но я предлог раздоров и войны,

Им это лишь и нужно (там же, с.83).

Первый путь — неустанная духовно-нравственная работа над собой, лестница к Богу. Второй путь — падение в сатанинскую бездну. И не распутье ли каждого из нас: итти по пути светлому или пути светскому? Да, распутье. И мера при выборе здесь та же, что и при мере всей истории. Это мера и твоя, и моя. Наша общая вечная мера.

МЕРА. Монах Пимен выражает в своем словесном творчестве народное православное мнение. Это видимая часть народного сознания с его сердцевиной — заповедями Божиими. Именно сердцевина затронута историческими событиями: каждый с его деяниями оценивается по мере соответствия ей. В “Борисе Годунове” — постоянное присутствие Бога.

В летописных сказаниях и в самой пушкинской трагедии средоточием меры является шестая заповедь - “Не убий”. Уже в первой сцене трагедии, точно отнесенной по времени (1598 года, 20 февраля, от нас четыреста лет и три года), в разговоре Шуйского с Воротынским раз за разом звучит признание угличского события “ужасным злодейством”, “злодеянием”.

Это лейтмотив всей трагедии, от ее начала и до конца, то есть *мера всей истории*.

Хронологически через пять лет после разговора бояр, уже в ночной сцене в Чудовом монастыре Пимен, заключая летопись именно рассказом об убиении, выступает как исторический свидетель. Для него честное и оценочное свидетельство — естественный нравственный поступок, на который, однако, не способен другой свидетель — Шуйский. Для того, чтобы сказать правду, нужна естественная, нравственно чистая смелость, которой у боярина нет. Вот Шуйский говорит:

Не хвастаюсь, а в случае, конечно,

Никая казнь меня не устроит.

Я сам не трус, но также не глупец

И в петлю лезть не соглашусь даром (там же, сс. 11-12).

Оправдание ли? Да нет. Чуть раньше Воротынский говорит Шуйскому, не осмелившемуся сказать правду:

Не чисто, князь.

И от этой оценки уже не уйти. И слово, и молчание ценится как поступок.

И далее Шуйский — весь во лжи.

Любое слово и любое молчание соотносится с величайшей по значению заповедью Бога — “Не убий”. И даже лжецы оправдывают себя чужими грехами. Лжедмитрий:

Я ж вас веду на братьев; я Литву

Позвал на Русь, я в красную Москву

Кажу врагам заветную дорогу!..

Но пусть мой грех падет не на меня —

А на тебя, Борис-цареубийца! -

Вперед! (там же, с. 86).

И в современной истории, как часто в безоглядном “Вперед!”, мы хотим оправдать собственные грехи чужими, “следствие” - “причиной”.

Народное же сознание дает греху однозначное толкование, и это — оценка истории. Время способно расставить все “по своим местам” именно в силу такой оценки. Никуда от этого не денешься: злодейство не приукрасить исторической необходимостью, — рано или поздно, народ все равно по-пименовски назовет его “злым делом”, “кровавым грехом”. Убийц - ”убийцами”. Предателей - “предателями”, “Иудами”.

И это именно народ действует в невыдуманном сказании:

*А тут народ. остервенясь, волочит
Безбожную предательницу мамку...
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Брятинский.
“Вот, вот злодей!” — раздался общий вопль,
И миг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца,
И чудо — вдруг мертвец затрепетал —
“Покайтесь!” — народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись — и назвали Бориса.*

И вслед за Пименом мы скажем:

*О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли (там же, сс.28-29).*

Народ отказывается от своего же соборного решения — выбора царем Бориса Годунова — именно в силу заповеди “Не убий”. Ею, как всеобщей

мерой истории, освящен и рассказ Пимена об Иване Грозном и его сыне, царе Феодоре. Словно в подтверждение монолога-завещания Пимен повествует, как в той же самой келье Чудова монастыря слезно и прилюдно каялся “преступник окаянный” Грозный и молились за него монахи. И в том же рассказе Грозному противопоставлен кроткий Феодор, преобразивший царские чертоги в молитвенную келью и заслуживший перед кончиной небесное виденье.

Не только действительная история, но и слово о ней, оценка истории должны быть освящены величайшей заповедью. Временная поддержка самозванца народным мнением объясняется тем, что в распространенном *сверху*, боярами, пропагандистском мифе Димитрий-царевич избежал смерти, хотя она готовилась ему. Выродок и убийца Лжедмитрий использует в своих интересах миф, эксплуатируя самое святое — “Не убий”. Он нарушает заповедь и поступком, и словом.

ГЛАС БЕЗМОЛВИЯ. Идет борьба за народное мнение. Сталкиваются светлое слово и темное слово. Еще в первой сцене Шуйский, не по совести, а по зависти и тщеславию затаенный враг Годунова, выбалтывает коварный план:

*Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут* (там же, с.13).

Речь идет о начале самой настоящей психологической войны. И она шла все пять лет, отделявшие встречу Шуйского с Воротынским и сцену в Чудовом монастыре. Только теперь, через пять лет, в борьбу за народное мнение, которую ведут и Годунов, и бояре, присоединяется спутавший планы всех Лжедмитрий, по-своему обобщивший опыт и Годунова, и бояр.

И вот в психологической войне ключевую роль начинают играть останки Дмитрия-царевича. Патриарх призывает:

*Вот мой совет: во Кремль святые мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском, народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах (там же, сс.90-91).*

Здесь четкая разделительная линия между светом и тьмой. Но она не устраивает Шуйского, будущего временщика, который боится “выйти из игры”. Он “мудро” возражает патриарху как искусный мастер пропаганды. В его устах сама правда служит лжи. И сейчас, через четыреста лет, все это воспринимается так, как будто речь идет не только о мощах Дмитрия-царевича, но и о других убиенных, других останках, вовлеченных в грязную политику наших дней:

*...надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;
А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.
Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;
Но есть на то иные средства — проще.
Так, государь — когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,*

Уговорю, усовещу безумство И злой обман бродяги обнаружу (там же).

На том в Кремле и порешили.

Однако и богатый многолетний опыт этого предшественника современных PR-менов, и вся мощь пропагандистских усилий окружения Лжедмитрия, включая продажных поэтов с их “*Muza gloriam coronat, gloriaque musam*”, бессильны перед соборной правдой Пимена, Юродивого, Бабы (с ребенком), Старухи, Мальчишек, пленника Рожнова, Одного, Другого, Третьего из народа, -перед *православными*, всей этой, по вражеским словам, “рванью окаянной, проклятой сволочью”.

Недолго властвует в Москве Лжедмитрий, а за ним и Шуйский.

Мера истории народом — в бесконечном “Не убий”. Народное сознание и его наиболее подвижная часть — народное мнение, связанные с бесконечной мерой, противостоят различным видам сиюминутного, светского “общественного мнения”. Мера истории предателями “отрепьевыми” и предателями-отрепьевцами, Шуйскими, разделителями и торговцами земли родной, — в тщеславии, власти, богатстве, чревоугодии, сластолюбии, в измеримых показателях “общественного мнения”. Сравнить эти две меры — все равно что сравнивать бесконечность с сантиметрами и выдавать последние за суть исторического пространства.

Потому-то и в действительной истории и в слове о ней, выражающем народную меру, не нужно делать поспешные выводы, обольщаться по поводу “безразличного молчаливого большинства” или “равнодушного молчания народа”. В конечной сцене пушкинской трагедии молчание народа есть выражение ужаса от совершенного боярами-отрепьевцами злодеяния — убийства Годуновых. В этой сцене молчит весь народ, все, кто до злодеяния еще мог спорить друг с другом или обмениваться “сантиметровыми” мнениями.

Народ в безмолвии своем, в тишине, в отличие от отступников, слышит глас Божий: “Не убий”. Так первые сцены связываются с последней. И в конечном молчании слышится все то же народное:

О Боже мой, кто будет нами править?

О горе нам!

Безмолвие народа страшнее самых страшных слов.

Пушкин двумя величественными словами “Народ безмолвствует”, — они могли вырваться только из души гениального русского **народного** писателя, —помогает верно оценить исторические события.

М о с а л ь с к и й:

Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.

Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует.

К о н е ц.

Наступал конец Смутному времени. Народное сознание, народное мнение выстрадало появление таких героев, как Минин и Пожарский. И сейчас в призрачной конечной тишине чудятся светлые слова нашего предка-летописца, в наше время завещанием направленные:

Ты грамотой свой разум просветил,

Тебе свой труд передаю. В часы,

Свободные от подвигов духовных,

Описывай, не мудрствуя лукаво,

Все то, чему свидетель в жизни будешь:

Войну и мир, управу государей,

Угодников святые чудеса,

Пророчества и знаменья небесны —

*А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрене... благослови, Господь,
Своих рабов!.. подай костыль, Григорий (там же, сс.29-30).*

Молодым — не остаться равнодушными к светлым словам, продолжить их.

Ю.М.Лоциц,
профессор ИПК работников
телевидения и радиовещания

ЖУРНАЛИСТ КАК ПЕДАГОГ

Если исходить из первоначальной древнегреческой этимологии слова педагог, то это вовсе не учитель, не преподаватель, а лишь слуга, раб, которому господин доверяет сопровождать своего ребенка в школу. Самое скромное поручение, хотя, безусловно, ответственное. Своя «улица», как догадываемся, была и у античных греков, и педагог был лицом доверенным. Ему поручалось нейтрализовать воздействие «улицы» на господского ребенка. Вот почему и сохранялось в веках, вплоть до наших дней, недвусмысленно-положительное содержание понятия педагог. Применительно к русскому быту – добрый дядька. Пушкинский Савельич, к примеру. Советский быт придал понятию высокую культовую окраску: «Педагогическая поэма».

Но, похоже, современный журналист с ухмылкой отмахнется, услышав о педагогической функции своей профессии. Педагог? Это для него что-то мелкое, слишком суетное и скучное – и в древне-греческом, и в старорусском, и в советском понимании слова.

Современный журналист троны шатает, тасует как колоду карт кабинеты министров, смещает прокуроров, изголяется над президентами, в считанные дни на пустом месте создает великолепные репутации. Социальный маг, полубог, распоряжающийся интеллектуальными энергиями мира, блистательный сверхчеловек, - и ему предлагают вернуться к заботам о сохранности заячьего тулупчика?

Более того, современный журналист в России как раз и разрушал и продолжает разрушать ветхие, по его понятиям, педагогические устои и

принципы. Правда, еще не донца разрушил, и школьники пока еще не ставят в угол провинившихся учителей, а новобранцы не отправляют на гауптвахту нерасторопных генералов.

Уж скорее такого журналиста можно назвать антипедагогом, упразднителем традиционных заветов воспитания. На заре своей известности именно такой тип деятельности предложил своим коллегам в качестве образца Сагалаев: стоя тусующихся на лестнице старшеклассников заклеывает вопросами сидящего перед ними крупного госчиновника. Это ведь куда занятней, чем сидеть за партой и с тоской ждать, когда вызовут к доске. Сагалаевский эксперимент быстро завалился, но слава ниспровергательства разошлась кругами: тех же самых старшеклассников, но чуть остепенившихся, мы видим теперь на трибунах многочисленных ток-шоу. Они лишь изредка высказываются, но часто аплодируют. Зрелище слишком хорошо отрепетированное, чтобы это сразу не бросалось в глаза.

Но что бы ни мнил о себе типичный представитель «четвертой власти», как бы ни внушал себе и аудитории, что его власть на самом деле первая, все равно подсобная, служебная функция журналистики остается у общества на виду. Градации этой служебной роли могут быть разными – от очевидного прислуживания до высокого служения. Декларирование собственной независимости есть поэтому или романтический самообман или заведомое дураченье публики. Но всякое дураченье чревато возмездием, и мы видим сегодня на каждом шагу, как доверие к журналистскому слову и поведению сменяется раздражением, озлобленностью. Телекамера, затыкаемая чьей-то пятерней – вот тема для самого популярного плаката наших дней: «Заткнись! Проваливай!»

Никакое «независимое» издание или вещание не решится сегодня провести объективный опрос с целью выяснить: как же все-таки общество относится к журналистике. Потому что выяснится, что с журналистикой

связаны представления о лжи, продажности, беспринципности, верхоглядстве, нечистоплотности, патологическом любопытстве, разнузданной болтливости. Пуще того, нам назовут имена тех, кто занимается прямым растлением, соблазняет зрителей и читателей к жизни порочной – к духовной смерти.

Чтобы не быть голословным, назову здесь хотя бы одно из великого множества изданий, подключенных к индустрии массового соблазна. Это широко известный ежемесячник «Спид-инфо», именующий себя «самой массовой газетой России» (характерно, однако, что тираж «самой массовой» ее издатели не указывают). В свое время газета, как можно догадываться, создавалась именно с педагогическими намерениями – в связи с угрозой массового распространения в России «болезни века». Читатель, следовательно, вправе ожидать, что на страницах газеты его проинформируют о размерах и качестве надвигающейся смертельной угрозы. Тем более, что речь идет о читателе наивном, беззащитном и доверчивом. Наивном, понятно, не до такой степени, чтобы не знать, от чего бывают дети и от чего бывают постыдные болезни.

Как же «Спид-инфо» наставляет доверчивых учеников и учениц? По прочтении одного-единственного октябрьского номера ежемесячника за 2000 год могу вполне ответственно заключить: наставления «Спид-инфо» весьма специфичны. На обложке (а обложка почти любого современного газетно-журнального изделия есть активнейшее зазывание внутрь), в левом верхнем углу вижу физиономию популярного актера М.Боярского в шляпе Д.Артаньяна с интригующим текстом: «Одна на всех, и все – на одну» (как снимали «Трех мушкетеров»). Рядом, правее еще зазыв: «Спящая женщина – мечта маньяка». Далее, еще правей: «Мода: на свидание – без бюстгальтера!»

Хочу представить себе ошеломление читателя, гораздо более наивного, чем сам я. Ведь в конце-концов именно на такого предельно

наивного и доверчивого потребителя и рассчитаны зазывы «научно-популярного», как указано здесь же на обложке, ежемесячника. Какое смятение, догадываюсь я, должно охватить душу неиспорченную, невинную при виде главного, ударного изображения первой страницы: почти обнаженные молодой человек и девушка напряжены в позе какого-то замысловатого акробатически-эротического этюда, сопровождаемого подписью: «за \$100 престижные студентки становятся ... порномоделями». Сбоку, помельче – чернобелая фотография полураздевшейся девицы в темных очках (догадывайся: одна из «престижных»; но, кстати же, догадывайся, что и акробатически-эротическая парочка – тоже модели, хотя и не «порно», и тоже работают на оформителей «Спид-инфо» не только славы ради).

Что же все-таки предлагает обложка: возмутиться продажностью студенток? последовать их примеру? запомнить на всякий случай, что почему? девицам и дамам отказаться от бюстгальтеров? маньякам сосредоточиться на поиске спящих женщин?.. И что за странный девиз придумали советские мушкетеры во главе с Боярским?

Читатель, допустим, не испугался, обуздал приступ смятения и неловкости за «научно-популярных» зазывал. Купил и, надежно уединившись, чтоб никто не осмелел за «сексуальную озабоченность», читает, начав прямиком с популярного киноактера. Впрочем, за Боярского докладывает его тогдашний режиссер Г.Юнгвальд-Хилькевич и докладывает, надо полагать, правдиво, поскольку опровержений со стороны «мушкетеров» что-то не слышно. «На съемках мушкетеры жили чудовищно, - признается режиссер, - и я это поощрял». «У ребят был мушкетерский договор: никаких отдельных романов. Выбирают самую красивую – одну на всех. Конечно, с ее согласия – тут проблем ни разу не возникало... Договор «одна на всех», насколько я знаю, строго выполнялся всеми мушкетерами, кроме Гюрзы» (актер Старыгин). С какой целью

Юнгвальд-Хилькевич поощрял свальные развлечения молодых советских киножеребцов, он не объясняет читателям «Спид-инфо». Так же не упоминает он, что по общепринятым религиозным да и мирским понятиям такие групповые забавы именуется «содомским грехом». К счастью, град Львов и его окрестности, где упражнялись новоявленные содомиты, не провалились сквозь землю, как блудные ветхозаветные города Содом и Гомора. Да и сами забавники не пострадали. «Насколько я знаю, при всех широчайших сексуальных контактах ни один из мушкетеров не подхватил никакого венерического заболевания», - заканчивает этот сюжет словоохотливый режиссер. Ни он сам, ни сотрудники газеты С.Амроян и Д.Филатов, которые «изготовили» беседу с Юнгвальдом-Хилькевичем, не стали утруждать себя морализирующими сентенциями. Видимо, решили, что надлежащие выводы сделает сам ошеломленный читатель.

Но какие именно выводы? Игриво-зубоскальный тон повествования поощряет лишь к одному: резвись и ты, если можешь, авось пронесет.

Такую вот «научность» и «популярность» преподносит газета и на всех других своих страницах: в сюжете о порнозаработках «престижных студенток» (журналистка Т.Гордеева обстоятельно, со знанием дела раписывает, сколько платят «модели» за сцены лесбиянства, за съемку полового акта, за групповой секс, за запись с лишением девственности); или в подробнейшем живописании ухищрений извращенца, усыпавшего своих дам перед совокуплением с ними (автор О.Краснова).

Читаешь имена журналистов (Ю.Донская, И.Кирина, Д.Юрьев, Ю.Лукьянова, А.Манн – главный редактор и генеральный директор заодно) и думаешь: неужели все реальные имена и фамилии, а не псевдонимы? Ведь если реальные, то как не срамно им – перед своими детьми или родителями, перед знакомыми и друзьями – за свое участие в этом двусмысленном вареве, именуемом «Спид-инфо»?

Впрочем, разве «научно-популярная» одинока в своем пристрастии ко всему, что ниже пояса? Газет-сладострастниц и похотливых журналов у нас теперь пруд пруди, причем, большинство даже не прилепливает себе фиговый листок «научности». А чего стесняться? Вываливай все наружу, выпотрашивайся, заголяйся! – вот директива, которую усердно исполняют многие десятки эротоманных изданий, заваливших киоски и лотки постсоветской России. Пансексуальная журналистика у нас сегодня количественно опережает всякую другую, - это и на глаз видно. Подходите к любому лотку – самые яркие, дразнящие, соблазнительные обложки наперебой предлагают обнаженную или полуобнаженную плоть «моделек». За их истомно вывернутыми позами, за томно-зазывными взорами, может быть, действительно, – полуголодное существование студенток из крестьянских или пролетарских семей. Но, может, простенькое желание развлечься, выделиться из скучной среды, прославиться. Но за ними, в первую очередь, – смутные очертания громадного ненасытного существа по имени Порнобизнес, которому все на пользу: СПИД, венерические болезни, маньяки, извращенцы, наркоманы, притоны, сутенеры, газетные зазывалы и вежливые растлители в чине докторов сексологии. Потому что всё и все работают на его грандиозный проект содомизации мира. А уж как там услужливые журналисты и социологи назовут проект, – сексуальной революцией, эротическим безумием или еще как, – ему совершенно все равно.

Чем же обеспечен сегодня наглядный успех проекта или сценария тотальной содомизации, намеренного оскотинивания человечества? Почему этот долгодействующий сценарий в истории иногда почти уже осуществлялся (те же времена Содомы и Гоморы)? Может быть, человек слишком животен по изначальной своей сути, чтобы противостоять соблазну оскотинивания?

Ведь физиологическое начало в человеке, действительно, в количественном смысле колоссально преобладает. Разве будет преувеличением сказать, что человек почти полностью – физиологический человек? Беспрерывные заботы (унижающие нас или, наоборот, вдохновляющие) о еде, питье, одежде, жилище, о достаточном тепле, заботы о реализации наших плотских вожделений и отравлений, - все это важно, почти без остатка пожирает наши часы, дни и годы. Физиологический принцип внутри нас ощерен как ненасытный хронофаг – поглотитель живого времени. Нас почти никогда не остается на большее. Часто ли мы смущаемся, краснеем от стыда, часто ли приходим в уныние от этой обескураживающей несвободы от собственного физиологического тирана?

И все же человек, как многие догадываются, не безнадежен. Человеку дарована возможность выбора. Животному не дана способность оценить себя со стороны. Человеку такой дар присущ: свобода самооценки, искусство рассмотреть в себе животное начало как бы чуть со стороны. Наш физиологизм не бесконтролен, не абсолютен. Это не значит, что мы уже спасены. Это лишь значит, что внутренняя свобода действует в нас, и этот принцип несравнимо ценнее, чем всякие внешние свободы, ради которых мы так безуспешно и безрассудно бьемся не на жизнь, а на смерть.

Итак, человек свободен выбрать в себе лучшее, предпочтительное: не только в сиюминутной деятельности, но и в историческом срезе. Способен обнаружить, что на громадном историческом поле физиологический человек постоянно соперничал, скажем так, с человеком человеческим или внутренне освобожденным человеком. Способен, далее, заключить, что в этом соперничестве чаще преобладал физиологический человек, исповедающий гедонизм, то есть, доктрину и практику наслаждения всей полнотой материального мира. Наслажденческий тип

поведения гедонистическая доктрина давным-давно определила как оптимальный, наиболее разумный, соблазнительный и легкий.

Современный сербский мыслитель Драгош Калаич называет человека, исповедующего подобный принцип социального поведения экономическим животным (в более откровенном переводе: экономической скотиной). Уже сам эпитет подсказывает: речь идет о своего рода социальной инженерии, о репродукции все новых и новых поколений экономического скота. Именно такому податливому типу, по замыслу проектантов и сценаристов, обеспечена надежная футурологическая перспектива – устойчивое место количественно преобладающего усредненного класса. Это не народ, который всегда разнообразен и непредсказуем, это – однородная гедонистическая масса в мягком и теплом стойле. Лозунги и девизы для нее, появившиеся в разные века, но будто из одного источника, впечатляют своей циничной прямоотой: «хлеба и зрелищ», «живи текущим днем, не веря в остальное», «после меня хоть потоп», «бытие определяет сознание», «догоним Америку по производству мяса и молока на душу населения»...

Все эти признаки и декларации физиологического самодовольства можно было бы отнести к разряду антиутопий, если бы не слишком очевидное их присутствие и в истории, и в самой злободневной современности. По крайней мере, наша пансексуальная журналистика, наши пансексуальные кино и телезрелища вполне вписываются в проект оскотинивания человека, превращения большинства человечества в податливую физиологическую массу.

Сальвадор Дали, один из самых упорных в искусстве XX века исследователей и потрошителей сферы бессознательного, постоянно, из десятилетия в десятилетие, возвращался к одному и тому же назойливому видению: фигура обнаженной женщины, напоминающая какой-то затейливый комод, со множеством створок-секций, полуоткрытых на

уровне груди, живота, бедер. К этой метафоре подыскивались самые разные коды. Но разгадка, похоже проста («а ларчик просто открывался»): приходят или уже пришли времена, когда человека примутся методично выпотрашивать, опустошать, чтобы заполнить порожние секции и блоки по собственному произволу или... оставить их навсегда пустыми. Тут есть предвидение (или демонстрация) чрезвычайных способностей папараццизма в его маниакальном стремлении вскрыть, взломать самое интимное, личностное в человеке. Ведь типичный папарацци обнажает человека не для того, чтобы полюбоваться красотой богосозданной твари, а для того, чтобы похихикать, поглумиться над голеньким.

Похоже, наша современная пансексуальная индустрия в журналистике задалась целью заполнить человеческий «комод» своим специфическим материалом под самую крышку. Это как если бы пушкинский Савельич, вместо того, чтобы оберегать дитя от мошенников и воров, повел его за ручку по подворотням, притонам, игорным домам...

Между тем, журналист, как бы он ни заблуждался относительно истинного своего предназначения, и сегодня остается свободен в выборе: соблазнитель он или педагог. Других вариантов у него просто нет, не бывает. С соблазнительством как таковым все давно ясно, – с тех самых пор, как были произнесены слова: «Горе миру от соблазнов; ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит... тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской». (Мф., 18, 6-7.) Кстати, нелишне напомнить, что наше слово соблазн по-гречески звучит как скандал, а соответствующий греческий глагол означает не только соблазнять, но также вводить в грех, лишать веры, сбивать с пути, быть причиной падения.

Напрасно опасаться, что приравнивая журналиста к педагогу, мы слегка принижаем общественное служение первого. Наоборот. Стоит хотя бы вспомнить, что во многих религиях учитель – понятие священное, а в Евангелии Учителем постоянно называют Иисуса Христа.

Педагогический дар в его полноте есть искусство умного неназойливого собеседования, когда не дают знанием, а делают вид, что оно уже известно собеседнику, но, может быть, слегка подзабылось. Значит, журналисту, чтобы не быть обыкновенным верхоглядом, передатчиком информационной текучки и скандальных сплетен, нужно расти и расти до педагога. Вспоминая при этом хотя бы один великолепный пример – поступок Федора Достоевского, когда он, будучи уже знаменитым романистом, предпринял труд журналистского учительства под названием «Дневник писателя».

Ю.П.Буданцев, профессор, доктор философских наук, ИПК работников ТВ и РВ.

Соборное начало профессии журналиста

Совсем скоро прозападно-реформаторская журналистика России будет отмечать свое 300-летие. Эта журналистика, как известно, начинается с Петра 1. Славная же история отечественной журналистики начинается намного-намного раньше прозападно-реформаторского направления. Она совпадает с историей нашей литературы, – у них одно славное начало, одни корни. То есть история нашей отечественной журналистики начинается вместе с литературой, **с летописей**. И, например, "Слово о полку Игореве" – событийное явление не только истории нашей литературы, но и нашей журналистики.

Образы людей и природы в летописях в высшей степени документальны, но и они же и в высшей степени высокохудожественны. Это свойство зримо представлено **в иконах**, где **реальное лицо – лик святого**, где документальное также и более чем художественное. Это более чем реальность, сверхреальность.

Такое славное начало нашей журналистики обязывает к соответствующей высокой требовательности оценок **всей истории журналистики**, как **словесному литературному творчеству**. Отсюда – соответствующая высокая требовательность к журналистскому образованию, следование нашим традициям, героической журналистике, великим образцам.

В своем выступлении я пытаюсь воссоздать один из таких образцов, лишь скромно следуя пушкинской традиции.

ЧИСТЫЙ СВЕТ ЛАМПАДЫ. В пушкинском "Борисе Годунове", по содержанию и исполнению словно свыше ниспосланном, одно из действующих лиц – монах Пимен. Его даже "действующим лицом" вроде бы и считать неудобно. настолько кратковременно явление монаха перед нами. Но по своему значению Пимен в трагедии, названной А.С.Пушкиным "комедией о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве", никак двум главным действующим лицам не уступает.

Пимен – летописец. Монашеская келья и в ней Пимен перед ровным светом лампы как бы присутствуют в каждой сцене, им и написанной. Вся трагедия – сказание Пимена. И посвящена-то она "драгоценной для России памяти" Николая

Ю.П.Буданцев, профессор, доктор философских наук, ИПК работников ТВ и РВ.

Соборное начало профессии журналиста

Совсем скоро прозападно-реформаторская журналистика России будет отмечать свое 300-летие. Эта журналистика, как известно, начинается с Петра 1. Славная же история отечественной журналистики начинается намного-намного раньше прозападно-реформаторского направления. Она совпадает с историей нашей литературы, – у них одно славное начало, одни корни. То есть история нашей отечественной журналистики начинается вместе с литературой, **с летописей**. И, например, "Слово о полку Игореве" – событийное явление не только истории нашей литературы, но и нашей журналистики.

Образы людей и природы в летописях в высшей степени документальны, но и они же и в высшей степени высокохудожественны. Это свойство зримо представлено **в иконах**, где **реальное лицо – лик святого**, где документальное также и более чем художественное. Это более чем реальность, сверхреальность.

Такое славное начало нашей журналистики обязывает к соответствующей высокой требовательности оценок **всей истории журналистики**, как **словесному литературному творчеству**. Отсюда – соответствующая высокая требовательность к журналистскому образованию, следование нашим традициям, героической журналистике, великим образцам.

В своем выступлении я пытаюсь воссоздать один из таких образцов, лишь скромно следуя пушкинской традиции.

ЧИСТЫЙ СВЕТ ЛАМПАДЫ. В пушкинском "Борисе Годунове", по содержанию и исполнению словно свыше ниспосланном, одно из действующих лиц – монах Пимен. Его даже "действующим лицом" вроде бы и считать неудобно. настолько кратковременно явление монаха перед нами. Но по своему значению Пимен в трагедии, названной А.С.Пушкиным "комедией о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве", никак двум главным действующим лицам не уступает.

Пимен – летописец. Монашеская келья и в ней Пимен перед ровным светом лампы как бы присутствуют в каждой сцене, им и написанной. Вся трагедия – сказание Пимена. И посвящена-то она "драгоценной для России памяти" Николая

